

Перфект
в старославянском:
был ли он
результативным?*

**Владимир Александрович
Плунгян**

Институт языкознания РАН
Москва, Россия

**Анна Юрьевна
Урманчиева**

Институт лингвистических
исследований РАН, С.-Петербург;
Институт языкознания РАН, Москва
Россия

The Perfect
in Old Church
Slavonic:
Was It Resultative?

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia

Anna Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences, Moscow
Russia

Резюме

Перфект, как известно, является одной из самых загадочных форм старославянского языка, семантика которой упорно не поддается описанию. Старославянские тексты представляют собой переводы (прежде всего — с греческого), и в них в значительной степени наблюдается калькирование как в сфере лексики, так и в сфере грамматических форм и конструкций. Но именно перфект нарушает эту картину: соответствия перфектных форм в параллельных греческих и старославянских текстах минимальны, что заставляет предположить, что при выборе перфектной формы переводчик руководствовался в большей степени собственно семантикой перфектной формы, нежели давлением греческого оригинала. В данной статье предпринята попытка описать употребление

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-02624 “Диахронически нестабильные аспектуальные категории”.

перфекта в четырех важных памятниках старославянского языка: Синайской псалтыри, Синайском евхологии, Супрасльской рукописи и Мариинском евангелии. Уже при первом взгляде на примеры из разных рукописей становится очевидным, что затруднительно говорить как об инвариантном значении перфекта, так и том, что употребления его в разных памятниках идентичны друг другу. Более плодотворно описание моделей употребления перфекта, представленных в отдельных памятниках, при помощи выделения нескольких групп связанных между собой значений. При сопоставлении употреблений конкурирующих форм аориста и перфекта выясняется, что в результативных контекстах для описания конкретных, локализуемых во времени ситуаций используется аорист. В свою очередь перфект употребляется: (1) для описания *интерпретации* определенного события (ср. Мк 14:8 “Она сделала, что могла: *предварила* помазать тело Мое к погребению”); (2) для *характеризации* субъекта действия (или топика определенного текстового фрагмента) через участие в некоторой ситуации; (3) в *экзистенциальных* контекстах (‘ситуация имела место по крайней мере один раз в прошлом’).

Ключевые слова

старославянский язык, грамматическая семантика, перфект

Abstract

Periphrastic perfect is a notoriously difficult form of Old Church Slavonic (OCS) verbs, because it remains consistently resistant to any coherent semantic description. While the majority of OCS texts are (very literal) translations, readily calquing both lexical and grammatical features of Hellenistic Greek, the OCS perfect is almost unique in deviating drastically from this common trend. The present paper attempts to tackle the semantic puzzle of OCS perfect by analyzing examples from the *Psalterium Sinaiticum*, *Euchologium Sinaiticum*, *Codex Suprasliensis*, and *Codex Marianus*. A preliminary look at the examples indicates that one can hardly speak of OCS perfect as a unified grammatical value with one and the same range of uses in all available texts. It would be more profitable to establish the patterns of perfect use for individual documents. Different factors predetermining the choice between competing perfect and aorist forms in different OCS texts are discussed in the paper and illustrated by various examples. It is argued that there is a strong tendency to use Aorist in resultative contexts to refer to individual situations with an exact temporal location, whereas Perfect is predominantly used (i) to convey the *interpretation* of a previously introduced situation (as in Mk 14:8 ‘She hath done what she could: she *is come aforehand* to anoint my body to the burying’); (ii) to *characterize* the subject of the predication; and (iii) in *existential* contexts (‘the situation took place at least once in the past’).

Keywords

Old Church Slavonic, grammatical semantics, perfect

1. Старославянский перфект: предварительные замечания

Данное исследование представляет собой попытку вновь обратиться к известной проблеме семантической специфики старославянского перфекта (традиционное название для аналитической формы, состоящей из *l*-причастия и вспомогательного глагола *byti* в форме настоящего времени). Хотя анализируемые ниже памятники старославянского языка являются переводами с греческого, в большинстве случаев, как это не раз отмечалось, воспроизводящие все доступные морфосинтаксические особенности греческого оригинала почти буквально (ср., например, [НАННИСК 1972]), одно из важнейших отступлений от этой стратегии касается именно форм перфекта: соответствия между греческими и славянскими перфектными формами не наблюдается¹. Это позволяет думать, что применительно к старославянскому перфекту мы имеем возможность сделать определенные наблюдения над оригинальными правилами употребления этой глагольной формы.

Данное исследование учитывает материал нескольких памятников: это Синайская псалтырь (частично с опорой на исследование [МАСРОВАРТ 2013]), Синайский требник, Супрасльская рукопись и Мариинское евангелие (употребления перфектов в старославянских евангелиях в значительной степени совпадают, поэтому для наших целей мы сочли возможным ограничиться одним памятником, считая его представляющим евангельскую стратегию в целом). Говоря о различных контекстах употребления перфекта, следует признать, что некоторые из них более характерны для одних памятников, некоторые — для других. Исходя из этого, мы постарались организовать изложение данных в статье таким образом, чтобы были последовательно охарактеризованы не только различные группы употреблений перфектной формы, но и различные памятники — с точки зрения стратегий употребления перфекта.

Прежде чем перейти к более детальному изложению, остановимся на некоторых важных особенностях употребления старославянского перфекта в целом.

Есть несколько дополнительных моментов, которые осложняют и без того непростую задачу описания семантики этой граммы. Перечень

¹ Кажется, что славянские переводчики воспринимали греческий синтетический перфект и аорист как синонимичные формы; в текстах евангелий греческий перфект передается славянским лишь примерно в 10% употреблений (в остальных случаях преобладает аорист). С другой стороны, большое количество славянских перфектов соответствует другим греческим формам и конструкциям. Этот факт был отмечен еще в ранних работах А. Мейе; ср. также наблюдения в [TROST 1972; МАСРОВАРТ 2013; DRINKA 2017: 311] (впрочем, в последней работе автор, хотя и признавая некоторую проблематичность соответствий на этом участке глагольной системы, явно преувеличивает — следуя отчасти за [RŮŽIČKA 1963] — степень влияния аналитических греческих перфектных конструкций с причастиями на славянские).

этих проблем открывается несколькими бесспорными фактами об употреблении перфектной конструкции (i–iv) и продолжается несколькими наблюдениями, которые касаются уже скорее непосредственно семантики перфекта (v–vi).

(i) В старославянском мы сталкиваемся с дисбалансом употребления лично-числовых форм перфекта: как указывал еще А. Вайан, “в текстах особенно часто наблюдается употребление 2 лица единственного числа перфекта” [Вайан 1952: 382].

(ii) С предыдущим пунктом непосредственно связано то, что часть употреблений перфекта может быть мотивирована в первую очередь не семантикой контекста, но более формальными факторами: так, А. Вайан указывает, что перфекты второго лица употребляются для разрешения омонимии, представленной в претериальной сфере у аористных форм 2–3 лица единственного числа. Несколько иное объяснение повышенной частотности форм 2 лица единственного числа перфекта в Синайской псалтыри предлагает К. М. МакРоберт (см. ниже при анализе этого памятника), однако существенно, что и она исходит из того, что семантика не является основным фактором, определяющим употребление этой формы.

(iii) К этому можно прибавить, что распределение лично-числовых форм перфекта неодинаково для разных памятников: (а) Синайская Псалтырь является безусловным лидером по употреблению перфектов второго лица; (б) Супрасльская рукопись при этом является единственным памятником, где по данным [Веґсерка 1993] перфекты третьего лица численно доминируют над перфектами второго лица; (в) можно отметить также, что перфект в первом лице наиболее редок; особенно это очевидно на материале Мариинского евангелия, где перфект первого лица употреблен лишь дважды на всем протяжении текста.

(iv) В Супрасльской рукописи перфекты третьего лица могут употребляться как со вспомогательным глаголом, так и без него; возникает вопрос — являются ли эти две перфектные конструкции семантически эквивалентными? В частности, А. Вайан высказывал следующую точку зрения:

3 лицо перфекта без вспомогательного глагола из памятников старославянской редакции встречается часто лишь в Супрасльской рукописи как особенность языка четырех проповедей этого сборника: *чоудо сътворнлъ зърѣштннмъ, ѳнсма же напльннлъ н печаль [. . .] оутѣшнлъ* 93^{23–26}; в других случаях — в качестве простой замены аориста: *съгрѣшнлъ ѿдамъ н оумрѣтъ* 493²⁶ вместо *съгрѣши [. . .] оумрѣтъ* [Вайан 1952: 280].

С другой стороны, Р. Вечерка предполагал, что между этими формами есть стилистическая разница, указывая, что перфекты без связки употребляются по преимуществу в гомилиях:

Тексты этого жанра составлены как прямая коммуникация между автором и физически (реально либо фиктивно) присутствующим адресатом и стилизованы под непосредственное обращение к толпе; соответственно, они предназначены к тому, чтобы включать в себя разговорные и простонародные, в том числе имеющие локальное (диалектальное) распространение формы² [VEČERKA 1993: 90].

Таким образом, необходимо исследовать вопрос, действительно ли случаи употребления бессвязочного перфекта семантически идентичны употреблению перфекта со связкой.

(v) В работах, посвященных описанию семантики старославянского перфекта, обычно предлагается некоторая единая трактовка перфектных форм, призванная объяснить все случаи употребления перфекта. Наиболее детальными на настоящий момент остаются уже достаточно давние исследования И. К. Буниной и М. Деяновой, которые пытались предложить инвариантное значение перфекта; оно сводится к тому, что перфект акцентирует “связь” между описываемым событием и некоторой последующей ситуацией, чаще всего локализуемой в настоящем (см. [БУНИНА 1959: 55–78, ЕАДЕМ 1970: 118–129; ДЕЯНОВА 1970: 129–150]). Следует сказать, что за пределами процитированных работ семантика старославянского перфекта практически не описывается либо описывается весьма специфическим образом. Так, показателен подход, реализованный в работе [AMSE-DE JONG 1974] с многообещающим названием “The meaning of the finite verb forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis. A synchronic study”. В этой работе в принципе реализован типичный структуралистский подход к описанию семантики, где значение форм, составляющих глагольную парадигму, описывается при помощи бинарных оппозиций вида COEXTENSIVE / NONCOEXTENSIVE и EXCLUSIVE / NON-EXCLUSIVE. Всем формам перфектной парадигмы (перфекту настоящего времени, перфекту будущего времени, плюсквамперфекту) автор приписывает семантический элемент CONSEQUENCE [AMSE-DE JONG 1974: 67]. Чтобы не вдаваться в подробный разбор специфической авторской терминологии, процитируем тот фрагмент работы, где точка зрения автора на семантику ст.-сл. перфекта изложена в сжатом виде в главе, посвященной

² „Die Werke dieser literarischen Gattung werden als direkte Kommunikation zwischen dem Autor und dem physisch (tatsächlich oder fiktiv) anwesenden Adressaten verfasst und stilisiert, als unmittelbare Anrede an eine Menschenmenge; darum sind sie dazu prädestiniert, kolloquiale und volkstümliche, auch lokal begrenzte (mundartliche) Sprachmittel anzunehmen“ [перевод наш. — В. П., А. У.].

полемике с анализом глагольной системы старославянского, предложенным И. К. Буниной:

1) Бунина описывает л-форму в комбинации с темпоральной формой как единое событие (без сомнения, под влиянием русского языка). Я же постулирую существование двух завершенных событийных периодов (Full Event Period), первый из которых (л-форма) располагается на временной оси ПЕРЕД вторым (бытн-форма) [...] 2) Бунина не смогла понять субъективный (attitudinal) характер перфекта и других составных времен. Мы говорим не о том, имеет ли ситуация актуальные последствия либо нет, но о том, обозначает ли говорящий актуальность последствий или же нет; аорист и имперфект не обозначают эксплицитно актуальные последствия, тогда как в перфекте они обозначаются при помощи ПРЕЗЕНСА [AMSE-DE JONG 1974: 139].

Можно обратить внимание, во-первых, на то, что для автора семантика аналитической формы связана прежде всего с ее синтаксической структурой, во-вторых, на то, что автор также предлагает инвариантное описание перфекта, и наконец, в-третьих, на то, что автор рассматривает перфект как форму, эксплицирующую значение “актуальных последствий”, — но к этому выводу он приходит не на основании анализа контекстов, но на основании анализа структуры этой аналитической формы — а именно, на основании присутствия в ее составе вспомогательного глагола в настоящем времени. Как представляется, такой наивно-структуралистский анализ имеет очень отдаленное отношение к подлинному анализу грамматической семантики глагольных форм. Бросается в глаза общее для всех указанных работ стремление к выделению инвариантного (и потому очень общего и размытого) значения, однако а priori неочевидно, насколько такой подход продуктивен (в частности, обладает ли он хотя бы минимальной объяснительной силой и способностью предсказывать выбор нужной глагольной формы в нетривиальных ситуациях). В данной работе мы стремимся придерживаться другого пути, выделяя несколько различных групп контекстов, характерных для употребления перфектных форм в старославянском. Вопрос о связи между всеми этими группами может обсуждаться в рамках другой исследовательской задачи.

(vi) Наконец, в старославянских памятниках можно обнаружить семантически близкие контексты, в которых может употребляться как перфект, так и аорист. Это особенно ярко видно на примере четвероевангелия, поскольку в текстах разных евангелистов описываются одни и те же ситуации, в которых в идентичных репликах употребляются и перфект, и аорист (примеры таких контекстов приводятся чуть ниже).

Остановимся подробнее на вопросе о том, возможно ли однозначно предсказать, в каких контекстах ожидается аорист, а в каких — перфект. На нетривиальный характер выбора между этими двумя формами указывал, например, еще А. Вайан: “Выбор между аористом и перфектом нередко бывает факультативным, так как одно и то же действие может пониматься и как отнесенное в прошедшее, и как соотносительное с настоящим” [ВАЙАН 1952: 381–382].

О том же пишет П. С. Кузнецов:

Не всегда достаточно четко может быть отграничено употребление перфекта от аориста, в некоторых же случаях, поскольку перфект помимо своего основного значения может употребляться для выражения большей категоричности действия, разграничение перфекта и аориста может носить и стилистический характер [Кузнецов 1961: 83].

Фактически к тому же выводу — о “стилистических” основаниях употребления перфектной формы — приходит спустя четыре десятилетия Б. М. Гаспаров (впрочем, он формулирует это именно как грамматическое значение перфекта, а не как стилистическое приращение). Так, ядерным значением формы 2-го лица ед. ч. перфекта он признает “акт исповедания веры” [ГАСПАРОВ 2003: 221], а значением формы 3-го лица — “утверждение трансцендентного” [ibid.: 224]. Ср. также основной вывод статьи:

... ядерное значение отражает ценности, имеющие первостепенное значение для субъектов данного языка, в их отношении к данному типу дискурса. В этих ценностных основаниях грамматических категорий строй языка сходится с культурной традицией и культурным опытом его носителей. Применительно к ДЦС [древнецерковнославянскому. — В. П., А. У.] перфекту, такой кардинальной метафизической ценностью, конденсировавшейся в его ядерное значение, оказалось противоположение эмпирического и мистического, посястороннего и потустороннего, опыта и веры, событий, совершающихся на земле, и божественного мирового порядка [ibid.: 240].

О возможной синонимичности перфекта и аориста в старославянском писал и Ю. С. Маслов: “Рано, фактически уже в эпоху, предшествующую письменным памятникам, начинается и процесс стирания перфектной специфики. Уже в древнейших текстах есть примеры, в которых она отчетливо не ощущается, и перфект оказывается синонимичным аористу” [МАСЛОВ 1984: 39].

М. Н. Шевелёва отмечает, что

вообще употребление славянского аориста в речевом режиме, где он, как правило, приобретает перфектное значение, всегда было возможно: как показывают уже древнейшие славянские тексты, этот “индефинитный” претерит изначально допускал употребление в прямой речи (или авторских

перформативных и под. высказываниях, ориентированных на момент речи говорящего) и под влиянием соответствующего контекста мог получать перфектное значение. [. . .] В старославянских текстах нередко наблюдается колебание перфекта / аориста в сходных контекстных условиях. . . [ШЕВЕЛОВА 2009: 151–152].

Авторы всех приведенных цитат, рассматривающие эту оппозицию с той или иной точки зрения, согласны в том, что однозначно предсказать выбор аориста либо перфекта невозможно. Причем, как нам представляется, это не связано ни с несовершенством того или иного подхода к описанию перфектных форм, ни с семантическим “несовершенством” самих глагольных форм (например, с размыванием перфектной семантики). Как кажется, такая нестабильность составляет самую суть противопоставления аориста и перфекта: востребованным оказывается наличие в системе “зоны колебаний”, где говорящий волен выбирать между двумя формами для реализации собственных коммуникативных намерений; более подробный комментарий см. после примера (6).

При этом в самом общем виде контексты распределяются между двумя конкурирующими формами примерно следующим образом:

(а) Кажется, нет таких контекстов, в которых мог бы быть употреблен перфект, но не мог бы быть употреблен аорист; во всяком случае, в одних и тех же случаях в текстах разных евангелистов в Мариинском четвероевангелии может быть употреблен и аорист, и перфект. Ниже приводятся два таких фрагмента. Для сравнения приводятся эти же фразы из Библии короля Иакова, где, в отличие от старославянского языка, в одних и тех же контекстах употребляется одна и та же глагольная форма: перфект в примере (1) и результативная конструкция *is dead* в примере (2).

(1') ПРН ДЕВАТЪН ЖЕ ГОДННЪ ВЪЗЫПН НС ГЛАСОМЪ ВЕЛНЕМЪ ГЛА. ЕЛСИ ЕЛСИ ЛЕМА САВАХТАНН. ЕЖЕ ЕСТЬ БЖЕ МОН БЖЕ МОН. ВЪСКЖИЖ МА ЕСН ОСТАВНЛЪ (Мф 27:46).

And about the ninth hour Jesus cried with a loud voice, saying, Eli, Eli, lama sabachthani? that is to say, My God, my God, why **hast** thou **forsaken** me?

(1'') І ВЪ ДЕВАТЖИЖ ГОДННЖ ВЪЗЫПН НСЪ ГЛАСОМЪ ВЕЛНЕМЪ ГЛА. ЕЛСН ЕЛСН ЛНМА САВАХТАНН. ЕЖЕ ЕСТЬ СЪКАЗАЕМОЕ БЖЕ БЖЕ МОН ВЪСКЖИЖ МА ОСТАВН (Мк 15:34).

And at the ninth hour Jesus cried with a loud voice, saying, Eloi, Eloi, lama sabachthani? which is, being interpreted, My God, my God, why **hast** thou **forsaken** me?

(2') ОТНАДЪТЕ НЕ ОУМЪРЪТЪ БО ДЪВНЦА НЪ СЪПНТЪ (Мф 9:24).

Give place: for the maid **is not dead**, but sleepeth.

(2'') УЪТО МЛЪВНТЕ Н ПЛАЧЕТЕ СЪ. ОТРОКОВИЦА НЪСТЪ ОУМРЪЛА НЪ СЪПНТЪ (Мк 5:39).
Why make ye this ado, and weep? the damsel **is not dead**, but sleepeth.

(2''') НЕ ПЛАЧНТЕ СЪ ЕЯ. НЪСТЪ ОУМРЪЛА НЪ СЪПНТЪ (Лк 8:52).
Weep not; she **is not dead**, but sleepeth.

(b) С другой стороны, есть контексты, где аорист предпочтительнее перфекта. Это, как ни странно, прежде всего результативные контексты, которые в типологическом портрете прототипического перфекта занимают центральное место: в современной грамматической типологии преобладает такое определение семантики перфекта, которое так или иначе соотносит его с понятием *результатива* (или *результатирующего состояния*). В частности, именно так определяется перфект в классической работе [Маслов 1984], где различаются статальный перфект, или, иначе, результатив, и акциональный перфект, для которого

в центре внимания обычно оказывается действие, оставляющее после себя те или иные следы, результаты, создающие какую-то специфическую ситуацию, короче — в том или ином отношении актуальное для последующего временного плана и рассматриваемое с точки зрения этого плана [Маслов 1984: 32–33] (ср. также [Плунгян 2011: 388–394]).

Понятие результирующего состояния в некоторых теориях перфекта остается центральным вплоть до настоящего времени (см. подробнее, например, [Дерраетере 1998; Nishiyama, Koenig 2010]). Этот подход опирается не только на семантическое развитие перфектных форм, но и на их диахронические источники; ср. единственный [!] сформулированный Дж. Байби семантический путь развития перфекта — из результативной конструкции [Bybee et al. 1994: 105], ср. также [Danl 1985: 135]. Таким образом, перфект рассматривается как результатив, подвергшийся дальнейшей грамматикализации, распространившийся на все акциональные классы глаголов и претерпевший определенное изменение семантики. Одним из существенных преобразований является то, что бывший результатив утрачивает стативное значение и начинает обозначать не только результирующую фазу некоторой ситуации, но и саму эту ситуацию. Результативная семантика в узком смысле при этом трансформируется у перфектной формы в то значение, которое описывается при помощи (намеренно) расплывчатого понятия “текущей релевантности” (“current relevance”). Впервые это понятие было введено в работе [McCoard 1978]; позднее оно стало широко использоваться за рамками той теории, в русле которой возникло; его сочли удачным многие исследователи, занимавшиеся поиском инвариантного значения перфекта. Наиболее эксплицитно этот подход сформулирован, по-видимому, в работе [Danl, Nedín 2000], где текущая релевантность представлена

фактически как шкала результативности, отражающая степень удаления от результативного прототипа; перфект, таким образом, занимает промежуточное положение между результативом настоящего времени и нерезультативным прошедшим временем (аористом либо претеритом). Тем самым, говоря в данной работе о результативном значении, мы имеем в виду то значение перфектной формы, которое признается прототипическим в рамках очерченной типологической концепции результативного перфекта: “ситуация имела место в прошлом, в настоящий момент ее результат сохраняется”. Ниже приводятся примеры из Мариинского евангелия, в которых в результативных контекстах употреблен аорист; для сравнения приводятся английские версии этих же фрагментов, где последовательно употреблен перфект:

- (3) ꙗ ꙗ гла емоу. всѣкъ ѿлвкъ прѣжде доброе вино полагаатъ. ꙗ егда оупиѣтъ сѧ тогда таѹѣѣ. ты же сѣблюде доброе вино до селѣ (Ин 2:10).

And saith unto him, Every man at the beginning doth set forth good wine; and when men have well drunk, then that which is worse: but thou *has kept* the good wine until now.

- (4) ꙗ оучааше гла нмѣ. нѣстъ ли писано. ѣко храмъ мон храмъ молтвѣ. нареѹетъ сѧ всѣмъ ѧзкмѣ. вы же сѣтвористе н врѣтъпъ разбоннкомѣ (Мк 11:17).

And he taught, saying unto them, Is it not written, My house shall be called of all nations the house of prayer? but ye *have made* it a den of thieves.

- (5) ꙗ въспомѣнжвѣ петръ гла емоу раввн. внждѣ смоковъннца ѧже проклатъ оусъше (Мк 11:21).

Peter, remembering, said to him, “Rabbi, look! The fig tree which you cursed *has withered away*”³.

- (6) ꙗ се елнсаветъ жжнака твоѣ. ꙗ та заѹдѣтъ сѣна въ старость своѣ. ꙗ сѣ мѣсѣцъ шесты естъ ен. нарнцаемѣн неплодѣвн (Лк 1:36).

And, behold, thy cousin Elisabeth, she *hath* also *conceived* a son in her old age: and this is the sixth month with her, who was called barren.

Из (a) и (b) проистекает два важных момента. Во-первых, это означает, что старославянский перфект семантически является более специализированной формой, чем аорист. Во-вторых, еще более важный вывод состоит в следующем: несмотря на то, что мы, как правило, можем объяснить, почему перфект употреблен в группе семантически более

³ В Библии короля Иакова в этом фрагменте употреблена архаичная результативная конструкция *is withered away*.

или менее однородных примеров, мы никогда не можем с той же степенью уверенности объяснить, почему в семантически близких или даже аналогичных контекстах в других случаях перфект *не* употребляется и мы находим вместо него аористную форму. Именно этот последний факт предопределяет то, насколько сложно формализовать правила выбора одной из двух граммем — значение, передаваемое перфектом, не исключено и у части употреблений аористной формы. Аналогичная ситуация характеризует оппозицию аориста и конкурирующего с ним прошедшего времени и в других языках; так, согласно многим современным исследованиям грамматической семантики испанского глагола, в ряде употреблений формы аналитического перфекта и синтетического аориста образуют отчетливый семантический контраст, но в остальных случаях оказываются в значительной степени взаимозаменяемыми (ср., в частности, данные экспериментов, в которых испытуемых просят заполнить лакуны в тексте, в [SCHWENTER 1994; ГОРБОВА 2013; ЕАДЕМ 2016]).

Можно было бы предполагать, что трудности в разграничении контекстов употребления перфекта и прошедшего времени связаны с тем, что перфект является, как правило, относительно “молодой” формой грамматической системы (это коррелирует и с тем, что он в подавляющем большинстве случаев имеет аналитическое выражение, ср. [ДАНЛ 1985: 129]). Можно было бы считать, что мы наблюдаем молодую грамему в период конкуренции со старой граммемой, когда еще не произошло жесткого закрепления за перфектом определенных контекстов. Однако, как показывают сценарии эволюции перфектной формы, ее развитие никогда не приводит к формированию темпоральной системы с двумя прошедшими временами, которые были бы противопоставлены “удобным для описания” образом. Так, в [Плунгян 2016] описывается несколько типологически наиболее частотных сценариев развития темпоральных систем, в которых представлена форма перфекта. При одном из них перфект вытесняет старую форму прошедшего времени, принимая на себя ее функции, в результате чего в системе остается единственная форма прошедшего времени. При другом перфект опять-таки занимает место старого прошедшего времени, однако одновременно с этим в языке возникает новая форма перфекта, благодаря чему оппозиция перфекта и прошедшего времени сохраняется в глагольной системе данного языка. Итак, ни один из этих сценариев не подразумевает, что грамматикализация перфекта приводит к какой бы то ни было “стабилизации” распределения контекстов между перфектом и прошедшим временем и в результате — к возникновению такой оппозиции двух форм прошедшего времени, разницу между которыми легко было бы

формализовать. Таким образом, некоторая семантическая “неуловимость” перфекта является не побочным эффектом ранней стадии грамматикализации, а непременным условием его существования в грамматической системе вообще: как только он утрачивает эти свойства, оппозиция обновляется за счет создания новой перфектной формы. Вероятно, следует признать, что грамматические формы, в употреблении которых говорящий обладает определенной “свободой действий”, востребованы не только в сфере деривационной морфологии (наподобие оценочных суффиксов типа диминутивов и аугментативов, обязательность которых трудно представима), но и в сфере сильно грамматикализованных значений. В данном случае такая форма — перфект — занимает существенное место в глагольных системах языков мира.

Теперь перейдем к рассмотрению перфекта в четырех памятниках, каждый из которых имеет свои особенности⁴.

2. Синайская псалтырь

Употребление перфекта в Синайской псалтыри специально рассматривается в [МАСРОБЕРТ 2013]. Ссылаясь на [ВЕЅЕРКА 1993], она указывает, что в этом памятнике численное доминирование перфектных форм второго лица единственного числа над перфектными формами других лиц и чисел является особенно заметным. То же самое справедливо и для другого памятника — Синайского требника; однако К. М. МакРоберт приводит любопытные статистические данные, противопоставляющие Синайскую псалтырь Синайскому требнику. А именно, в Синайской псалтыри (и только в ней) формы перфекта 2 лица единственного числа от *i*-глаголов употребляются существенно чаще, чем формы перфекта 2 лица единственного числа от глаголов других морфологических классов:

Можно было бы ожидать, что распределение форм аориста и перфекта среди глаголов различных спряжений будет приблизительно одинаковым — возможно, с некоторым численным преобладанием продуктивного класса глаголов на -нтн, однако это не так. В Синайской псалтыри представлено 116 перфектных форм 2 лица [единственного числа. — В. П., А. У.] от глаголов на -нтн, 10 — от глагола датн и 28 — от глаголов других морфологических классов. С другой стороны, среди форм аориста представлено 37 форм 2-го

⁴ Использовались следующие издания и источники: Мариинское Евангелие цитируется по корпусу PROIEL (<http://foni.uio.no:3000/>); Супрасльская рукопись цитируется частично по корпусу PROIEL (<http://foni.uio.no:3000/>, формат ссылки — [Supr номер главы: номер предложения по PROIEL]), поскольку Супрасльская рукопись не полностью введена в корпус PROIEL, отсутствующие там фрагменты цитируются по [СЕВЕРЬЯНОВ 1904], формат ссылки — [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: страница; глава: номер строки]; Синайская псалтырь цитируется по изданию [СЕВЕРЬЯНОВ 1922], Синайский требник — по изданию [GEITLER 1882].

лица от глаголов на -нѣн, два — от приставочных глаголов с датн, но не менее 97 форм второго лица от глаголов других спряжений [MacRobert 2013: 399]⁵.

Исходя из этого, К. М. МакРоберт делает закономерный вывод о том, что формы перфекта второго лица от *i*-глаголов употребляются для снятия омонимии между аористом 2-3 лица единственного числа и императивом 2 лица единственного числа — омонимии, возникающей только у глаголов данного морфологического класса⁶. Сам по себе этот вывод К. М. МакРоберт не нов: об этом же писал, например, А. Вайан:

В текстах особенно часто наблюдается употребление 2 лица единственного числа перфекта; объясняется это тем, что форма 2 лица единственного числа аориста двусмысленна, так как она смешивается с 3 лицом аориста и у глаголов на -нѣн со 2 и 3 лицом повелительного наклонения. В таком случае, как славж ѣжже далъ еси мѣнѣ дахъ нмѣ (Ин 27:22), употребление перфекта далъ еси оправдывается тем, что эта форма более ясна, чем. аор. дасть; в примере: поставилъ еси [. . .] носѣ мои (Пс 30:9), за которым следует повел. накл. помлоуи ма, устраняется аорист постави, так как он может быть принят за повелительное наклонение [Вайан 1952: 382].

Новизна утверждения К. М. МакРоберт состоит прежде всего в том, что она показала, что перфект 2-го лица единственного числа от *i*-глаголов используется для снятия омонимии с императивом (но не с аористом 3 лица) в Синайской псалтыри чаще, чем в других памятниках. К. М. МакРоберт приводит, как кажется, убедительное обоснование того, почему эта функция перфекта более всего востребована именно в Синайской псалтыри:

Тексты псалтыри не имеют практически канонизированной, близкой к формулам структуры обычных молитв; напротив, они представляют собой поэтические размышления на тему взаимоотношений Господа с его творением, и для этих размышлений характерны непредсказуемые и внезапные переходы между нарративом и обращением, между вторым и третьим лицом при обращении к Господу, между прошедшим, настоящим и будущим временем⁷ [MacRobert 2013: 397].

⁵ “One might expect that the distribution of the various conjugations would be approximately the same across aorist and perfect, perhaps with a preponderance of the productive class in -нѣн; but this is not the case. In the *Psalterium Sinaiticum* there are 116 instances of second person perfect forms in -нѣн, 10 with the verb датн and 28 with other conjugations. By contrast in the aorist tense there are 36 second person forms in -нѣн, 2 with compounds of датн, but no less than 97 second person forms with verbs of other conjugations” [перевод наш. — В. П., А. У.].

⁶ Она также специально отмечает, что численное доминирование перфектных форм 2 лица не связано с необходимостью разграничения омонимичных форм 2 и 3 лица единственного числа аористной парадигмы (эта омонимия присутствует в аористной парадигме глаголов всех морфологических классов).

⁷ “The texts contained in the Psalter do not have the quasi-legal formulaic structure of conventional prayers; instead they are poetic meditations on the relationship between

Действительно, использование в тексте такой структуры перфекта второго лица для снятия омонимии с императивом представляется весьма актуальным. Приводимые ниже примеры (7)–(9) наглядно демонстрируют, что если бы вместо перфектных форм *i*-глаголов были бы аористы (омонимичные императивам), разграничение индикативных и императивных форм в данных отрывках было бы практически неразрешимой задачей⁸:

- (7) Благо *сѣтворнѣ еси* съ рабомъ твоимъ ꙗко: По словеси твоему: Благости ꙗко наказанню ꙗко разоумоу **паоучи** мѣ: ꙗко заповѣдемъ твоимъ вѣржѣмъ: (Пс 118:65–66).
- (8) Помози ми ꙗко ꙗко сѣи съ: ꙗко поощи съ въ оправданнѣ твоихъ вѣи: *Оуниужнѣ еси* въся остжаишѣ отъ оправданеи твоихъ: ꙗко неправедно помышленне ихъ: (Пс 118:117–118).
- (9) ꙗко вѣ доколѣ гнѣваеш съ на молтвѣ рабѣ твоихъ Натрवेशи ны хлѣба слезна ꙗко напоиши ны слезѣ въ мѣрѣ *Положилъ ны еси* въ прѣканѣ сжѣдомъ нашимъ ꙗко враси наши продрѣжашѣ ны ꙗко вѣ сѣль обрати ны ꙗко просвѣти лице твое на ны ꙗко сѣени бждемъ (Пс 79:5–8).

Естественно, в этом случае оказывается, что частотность перфектных форм второго (и третьего) лица единственного числа от *i*-глаголов в Синайской псалтыри завышена в сравнении с той ситуацией, которая имела бы место, если бы перфект употреблялся исключительно по семантическим причинам. Соответственно, в этом памятнике отмечается много примеров употребления перфекта, которые обусловлены необходимостью снятия омонимии с императивными формами, причем такие ситуации связаны только с группой *i*-глаголов в силу того, что только в их парадигме возникает омонимия указанных форм. Соответственно, достаточно часто в Синайской псалтыри можно встретить последовательность предикатов, в которой *i*-глаголы (а также глагол датн с “неудачной” омонимией в части аористной и презентной парадигмы — см. (11) ниже) имеют перфектную форму, а глаголы других морфологических классов выступают в форме аориста. Так, в примере (10) первый предикат имеет форму перфекта, а второй — аориста, и это обусловлено исключительно морфологическими классами данных глаголов, а не семантическими причинами:

God and his creation, which shift unpredictably and sometimes abruptly between narrative and appeal, between second and third person reference to the Deity, from past to present or future” [перевод наш. — В. П., А. У.].

⁸ В примерах в тексте статьи перфекты выделены курсивом, конкурирующие с ними аористы — **полужирным** шрифтом, императивы (в тех примерах, где рассмотрение их релевантно) — подчеркиванием.

(10) Прѣстољ твоѣ бже въ вѣкъ вѣка: Жезлъ правости жезлъ црѣства твоего: *Възлюбилъ еси правѣдъ и възненавидѣлъ безаконеніе*: сего ради помаза тѣа бѣ бѣ твои: Олѣимъ радости пауче праучастникъ твоихъ: (Пс 44:7–8).

Аналогичное семантически необусловленное чередование форм перфекта и аориста представлено и в следующем отрывке:

(11) Вънѣми моленѣе мое: Отъ конецъ земли къ тебѣ възвахъ: Егда оуны срѣце мое на камень **възнесе** мѣа: *Наставилъ мѣа еси* ѣко бысть оупѣванѣе мое: Стѣпъ крѣпости отъ лица вражѣ: Въсележ сѣа въ селѣ твоемъ въ вѣкы: Покрыж сѣа кровомъ крѣлоу твоею: Ёко ты бже **оуслыша** молитвы моѣ: *Далъ еси* достоѣнне боѣщимъ сѣа имени твоего (Пс 60:2–6).

Итак, использование перфектных форм в Синайской псалтыри интересно в нескольких отношениях: во-первых, этот памятник отчетливо демонстрирует, что не всякое употребление перфекта мотивировано исключительно семантическими причинами (перфектные формы могут заменять аористные для устранения морфологической омонимии с императивом). Во-вторых, что еще более существенно, оказывается, что морфологическая омонимия является в разной степени “опасной” в текстах разных жанров: вероятность неверной интерпретации императивной формы как аористной гораздо выше в текстах Псалтыри, чем в текстах евангелия, требника или минеи. Этот факт подтверждает, что правила употребления перфекта не могут быть сформулированы для старославянского языка “в целом”, без учета специфики конкретных памятников.

Наконец, применительно к Синайской псалтыри правомерно сформулировать следующий вопрос: нельзя ли все же обнаружить в этом памятнике следы семантических факторов, регулирующих употребление перфекта? Теоретически это возможно в следующих случаях:

1) *i*-глаголы во втором лице единственного числа выступают в форме аориста (возможность выявить семантические факторы, запрещающие употребление перфекта);

2) глаголы других морфологических классов во втором лице единственного числа выступают в форме перфекта (поскольку эти глаголы не требуют постановки в перфект для снятия омонимии с императивом, в данном случае можно выявить семантические факторы, способствующие употреблению перфектной формы).

Эти случаи целесообразно рассматривать параллельно.

Ниже приводятся несколько примеров, в которых используются цепочки аористных форм — вне зависимости от морфологического класса глаголов:

(12) Бѣ же цѣсарь нашъ прѣжде вѣка **сѣдела**_[1] спїе посрѣдѣ земля Ты **оутврди**_[2] сілоуж твоєж море Ты **сѣкроуши**_[3] главы змѣемъ въ водѣ Ты **сѣтлѣуе**_[4] главж змѣевж *далѣ еси*_[5] брашьно людемъ егїопьскомъ Ты **растрѣже**_[6] істоуѣшкы и потоки ты **нсжуи**_[7] рѣкы наводьнепыѣ Твои естѣ дѣнь і твоѣ естѣ ношть ты **сѣврѣши**_[8] зорѣѣ і сѣньце Ты **сѣтвори**_[9] всѣѣ прѣдѣлы земли лѣто і веснж ты **созьда**_[10] (Пс 73:12–17).

В примере (12) десять предикатов; один из них (глагольная форма [5]) стоит в перфекте — это глагол датн, который, как уже упоминалось выше, демонстрирует сильнейшее тяготение к перфекту как к основной форме прошедшего времени, причем по формальным причинам — из-за омонимии части презентных и аористных форм. Остальные девять глаголов в этом отрывке имеют форму аориста, причем пять из них ([2], [3], [7], [8] и [9]) являются глаголами *i*-спряжения. Этот отрывок описывает деяния, связанные с сотворением мира, — деяния, результат которых, несомненно, релевантен для настоящего момента, но которые произошли достаточно давно. Аналогичным образом ниже, в примере (13), описываются деяния, связанные с утверждением еврейского народа в земле Израиля:

(13) Гї вѣже сіаь **обрати**_[1] ны і **просвѣти**_[2] лице твое на ны і спїени вждемъ: Виноградъ из егоупьта **прѣнесе**_[3] **выгьна**_[4] ѣзыки и **насади**_[5] і: Потѣ **сѣтвори**_[6] прѣдѣ нимъ і **насади**_[7] коренѣ его і ісплѣни земляж: Покры горы сѣнь его і лозье его кедры вѣжѣ: Прострѣ розгы его до мѣрѣ і до рѣкы отѣраслн его: Вѣскжж **разори**_[8] оплотѣ его і вимажтѣ і всї прѣходѣштеі пжтемъ: (Пс 79:8–13).

В этом примере восемь предикатов второго лица: два первых глагола имеют форму императива, остальные — аориста. Среди этих шести глаголов четыре ([5], [6], [7] и [8]) также являются глаголами *i*-спряжения. При этом интересно, что глагольные формы [5], [6] и [7], несомненно, описывают такие действия, которые отдалены во времени от “здесь и сейчас” данного текста, тогда как аористная форма [8], очевидно, называет как раз то действие, которое релевантно в основной момент референции данного текста в гораздо большей степени: это — метафора гнева Господня, обрушившегося на Его народ, и ниже в этом тексте псалмопевец обращается к Господу с просьбой о милости и помощи. Таким образом, семантический контраст отдаленных во времени ситуаций и ситуаций, обладающих текущей релевантностью, не находит отражения в оппозиции аористных и перфектных форм. Для подкрепления этого тезиса обратим внимание на то, что выше в (12) описываются ситуации, отдаленные во времени (сотворение мира), а ниже в (14) приводятся отрывки, в которых текущая релевантность

ситуации фактически эксплицитно утверждается (соответствующие фрагменты, являющиеся обоснованием текущей релевантности события, выделены разрядкой) — тем не менее, и в этом случае употребляется форма аориста:

(14) Ёко възвелнуншѣ сѣ дѣла твоѣ ꙗко всѣ прѣмждростыж створи: Н сплъни сѣ землѣ твари твоѣѣ (Пс 103:24).

Можно сделать существенное обобщение, касающееся приведенных выше примеров с аористными формами: все они описывают *конкретные, локализуемые во времени ситуации*, которые, с точки зрения говорящего, имели место в физическом мире. Это наблюдение окажется существенным тогда, когда мы будем формулировать особенности контекстов, в которых употребляются перфектные формы.

Теперь посмотрим на те контексты, в которых в Синайской псалтыри употребляется перфект.

Ниже приводятся два примера, в которых перфект используется для характеристики субъекта действия. Так, в (15) перфектные предикаты называют действия, факт совершения которых важен не сам по себе, а как характеристика субъекта — перфектные предикации подтверждают слова о том, что Земля и все наполняющее ее принадлежат Господу:

(15) Гѣѣ естѣ земѣѣ н-сплъненѣ-е-ѣѣ: Вѣселена н вѣси жившштеи на неи: Ты на морихъ основалъ ѣж естѣ: Н на рѣкахъ оуготовалъ ѣж естѣ (Пс 23:1–2).

Следующий пример имеет ту же семантическую структуру: в начале высказывается некоторый тезис (в данном случае — в виде риторического вопроса), далее ряд перфектных форм используется для называния тех Господних деяний (с акцентом на том, что они были совершены, а не на их результате), которые подтверждают этот тезис:

(16) Бже въ стѣмь пжть твоѣ: Къто бѣ велелѣ ёко бѣ нашѣ ты еси бѣ творѣѣ ꙗко деса Сѣказалъ еси въ людехъ слж твоѣж ѣзбавилъ еси мышцеѣж твоѣж люди твоѣѣ сѣѣ ѣковлаѣ ѣосифовы Видѣшѣ тѣ воды бже Видѣшѣ тѣ вѣды ѣоубошѣ сѣ сѣмжтшѣ сѣ бездны мѣножѣство шюма водѣ Гласѣ дашѣ облаци ѣбо стрѣлы твоѣѣ прѣходѣтъ гласѣ грома твоего въ колеси Всвѣтшѣ мльнѣѣ твоѣѣ вѣселенжѣж. Подвнжа сѣ ѣ трепетьна быстѣ землѣ Въ мори пжть твоѣ ѣ стѣѣ твоѣѣ въ водахъ многахъ ѣ стопы твоѣѣ не запнжтѣ сѣ ѣзвелъ еси ёко овѣцѣѣ люди твоѣѣ ржкоѣж мосѣвоѣж ѣ аропѣж (Пс 76:14–21).

В следующем примере ряд перфектных форм (в который, в частности, входит и форма перфекта от *a*-глагола *въвъзати*) используется для ответа на вопрос “что есть человек”. В данном случае характеристическая роль перфекта также вполне очевидна: в коммуникативном фокусе данного отрывка находится сам факт того, что Господь многое доверил человеку, и поэтому человек немногим уступает ангелам. Обратим внимание на то, что не вполне корректно говорить о том, что перфект характеризует именно субъект ситуации: как кажется, привязка перфекта к объекту характеристики осуществляется более сложным образом, не на строго синтаксическом уровне, а на коммуникативно-прагматическом. Очевидно, что в данном примере перфект исполняет характеристическую функцию не по отношению к субъекту ситуации (Богу), а по отношению к топикау данного фрагмента (человеку):

(17) Чѣто естъ члѣкъ ѣко помѣниши н: ан сѣъ члѣкъ ѣко
 по сѣщаеші его: *Оумьшлѣ і еси* маломъ чимъ отъ аѣгль: славож н чѣстьж
въвъзаль н еси. н *поставнѣ і еси* на-д-ѣлы ржкоу твоєю: *Въсѣ покорнѣ еси*
 подъ носѣ его: овъца і волы въсѣа (Пс 8:5–8).

Аналогично, в примере (18) ряд перфектных предикаций (*показаль еси*, *нсталъ еси*) используется для характеристики топика в следующем контексте: называются деяния Господа, которыми он наказывает человека, однако псалмопевец напоминает Господу, что такие наказания слишком жестоки, так как суетен всякий человек. Таким образом, перфекты и в данном случае используются в контексте, где результат прагматически не так важен, как само совершение действия:

(18) Втѣмі отъ мене раны твоѣа: Отъ крѣпости бо ржкы твоѣа [. . .] азъ
 нскопѣвахъ сѣа: Въ обличеніхъ о незаконены *показаль еси* ѣка . *ї нстанлъ еси*
 ѣко пажуннж дѣж его: Оба чѣ въ соуде въсѣкъ члѣкъ (Пс 38:11–12).

В примерах (19) и (20) представлено так называемое *экзистенциальное* значение (утверждение о существовании ситуации в некоторый момент в прошлом), которое также близко к характеристике субъекта. Более традиционно данное значение перфекта, возможно, было бы квалифицировано как *экспериментальное*. Однако при выборе термина мы руководствовались следующим: с одной стороны, в англоязычной лингвистической литературе существуют разные традиции употребления термина “экзистенциальный перфект”, которые удачно суммированы в следующей таблице из [NISHIYAMA, KOENIG 2004: 102]:

Table 1: The classification of perfect readings

readings	lexically entailed resultant state	implicated resultant state	no resultant state	input state continues
A ^A	Resultative ¹	Existential ²		Continuative (Universal)
B ^B	Resultative		Existential	
C ^C	Existential			

^A [McCawley 1971; Kiparsky 2002].

^B [Michaelis 1998].

^C [Mittwoch 1988; Kamp, Reyle 1993; Portner 2003].

¹ “Target State” perfect readings in [Parsons 1990].

² “Resultant State” perfect readings in [Parsons 1990], “permanent state” in [Ter Meulen 1995].”

Следует также обратить внимание на то, что в литературе о перфекте для обозначения нерезультативных употреблений часто используется термин “экспериенциальный перфект”. Наиболее характерной в этом отношении является работа [Iatridou et al. 2003], где экспериенциальный перфект, обозначающий, что “субъект обладает определенным опытом” [ibid.: 155], встраивается в номенклатуру значений английского перфекта, восходящую к [McCawley 1971]: результативный перфект — экспериенциальный перфект — универсальный перфект — иммедиатный перфект. В том же значении данный термин используется и в русскоязычной литературе по грамматической семантике (ср.: “Это значение связано не столько с наличием в момент речи результата ситуации, сколько с характеристикой субъекта ситуации как имеющего опыт совершения данного действия” [Плунгян 2011: 393]). Нам кажется оправданным ввести в данной работе отдельный термин “экзистенциальный перфект” с более узким значением (‘ситуация имела место по крайней мере один раз в прошлом’), который точнее описывает ряд контекстов употребления старославянского перфекта. Так, в анализируемых ниже примерах (19) и (20) перфект затруднительно трактовать как экспериенциальный: очевидно, смысл этих обращенных к Господу реплик — не в том, чтобы утверждать, что Господь “приобрел опыт” совершения некоторого действия (*говорить, видеть*). Смысл реплики примера (19) — в напоминании, что такая ситуация имела место некогда в прошлом, и в призыве действовать в соответствии с этим (‘поскольку Ты видел это, не промолчи’). Смысл же приведенного в (20) фрагмента в том, чтобы сопоставить некоторую ситуацию в прошлом (обещанные Господом милости) с состоянием отверженности, в котором автор псалма ощущает себя в текущий момент⁹.

⁹ Попутно можно отметить еще одну лингвистическую характеристику контекстов, которые мы называем экзистенциальными: все они не описывают

- (19) Рашнрншѣ на мѣ оуста своѣ: Рѣшѣ благо же благо же видѣсте оун наши:
Видѣлъ еси ꙗко не прѣмльун: ꙗко не отъстжи отъ мене (Пс 34:21–22).

В примере (20) в правом контексте эксплицитно сказано, что результат ситуации в настоящий момент аннулирован (Ты же **отърнж** і **оунпчъж**, **отъврже** — обратим внимание, что оба этих предиката, описывающие ситуации с текущей релевантностью результата, имеют аористную форму, причем один из предикатов относится к *i*-спряжению, тяготеющему во втором лице единственного числа к перфектной форме).

- (20) Тогда *глаголаа еси* въ видѣни сѣомъ твоимъ ꙗко рече положихъ помощь на сильна *Възвѣсь избранаег-отъ* люди моихъ *вбрътъ дѣда* раба моего *влѣмь свѣты-м-оимъ помазахъ* і [. . .] Ты же **отърнж** і **оунпчъж** **отъврже** ꙗко своего (Пс 88:20–21, 39).

Еще один пример, где перфект имеет экзистенциальное значение:

- (21) ꙗко азъ *оунпчъженъ* і не разоумѣхъ ꙗко скотъ выхъ оу тебе і азъ *вынж* съ тобожъ *Дръжалъ еси* ржжж деснжжж мойхъ і *свѣтомъ* твоимъ *наставилъ* мѣ *еси*. (Пс 72:22–24).

В примере (22) мы также находим противопоставление экзистенциальных перфектов, обозначающих ситуацию с аннулированным результатом (*Спѣсѣ ны еси* отъ сътжжажщнихъ намъ: ꙗко *непавндѣцнѣа* насъ *пострѣбнѣ еси*), и аористов, обозначающих ситуацию с релевантным результатом (**Н**ы **н**ѣ **ж**е **отърнж** **посрамн** ны):

- (22) Не на ажкъ бо і мои оупьважъ ꙗко оржжѣ мое не сѣтъ мене: *Спѣсѣ бо ны еси* отъ сътжжажщнихъ намъ: ꙗко *непавндѣцнѣа* насъ *пострѣбнѣ еси*. О бѣхъ похвалимъ сѣа въсь день: і о имени твоёмъ исповѣмъ сѣа въ вѣкъ: **Н**ы **н**ѣ **ж**е **отърнж** **посрамн** ны: ꙗко не изидеши бже въ слахъ нашихъ: (Пс 43:7–10).

Предварительные замечания о возможной природе семантического противопоставления аористов и перфектов, сделанные с опорой на примеры из Псалтыри, требуют безусловной проверки на материале других памятников: тексты Псалмов, основной темой которых является взаимоотношение человека и Бога, часто допускают неоднозначное прочтение, и велик риск “подгонять” примеры под удобное исследователю

события, но перечисляют *факты*. Ср. определение Н. Д. Арутюновой: “Имя *факт* ориентировано на мир знания, т. е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени” [Арутюнова 1988: 168]. Понятие факта в последнее время обсуждается в связи с описанием семантики перфектных форм типологически далеких друг от друга языков, ср. статью [Майсак 2016] об удинском и статью [Козлов 2016] о мокшанском.

толкование. Кроме того, анализ примеров из Псалтыри осложняется тем, что старославянский перевод Псалтыри является весьма неточным, в том числе и в части глагольных форм, и, помимо этого, в большинстве контекстов, как уже говорилось, перфекты используются для устранения омонимии с императивом. Таким образом, о сформулированном выше семантическом противопоставлении (“характеризующих контекстов” в случае перфекта vs. “контекстов с конкретной темпоральной локализацией” в случае аориста) можно будет уверенно говорить только в том случае, если это будет подтверждено примерами из других памятников.

3. Синайский требник

В этом памятнике при исследовании употреблений перфекта очень ярко проявляется следующая тенденция в семантическом распределении аористов и перфектов: аорист используется для описания конкретных, локализуемых во времени ситуаций, перфект — для *интерпретации* этих ситуаций. Поясним: в действительности практически любая ситуация может быть связана с определенными намерениями или целями, либо иметь определенные последствия, причем этот “скрытый смысл” ситуации в действительности прагматически может оказаться важнее, чем непосредственная “физическая” составляющая. Дополнительным различием между ситуацией и ее прагматической интерпретацией является то, что конкретная ситуация локализуема во времени, тогда как к прагматической интерпретации этот параметр вряд ли применим¹⁰. Хорошим примером может служить следующий фрагмент молитвы:

(23) Велен еси ꙗко и чюдѣна дѣла твоѣ. и ни едно же слово оудолѣеть. къ хваленью чюдесъ твоихъ своеѣ бо волеѣ. отъ небытнѣ въ бытне **сътвори** всѣ. Твоеѣ дрѣжавоѣ дрѣжнши тварь и твоимъ промышленнемъ стронши весь мнръ. ты отъ четьрь стоухни тварь състави. четьрьми врѣмени. кржгъ лѣт(оу) *вѣнчалъ еси* [GEITLER 1882: 6].

Здесь представлены две предикации, содержащие формы прошедшего времени, причем они не различаются с точки зрения текущей релевантности. Однако клауза, содержащая аористную форму (отъ небытнѣ въ бытне **сътвори** всѣ), описывает конкретную ситуацию, которая в христианской традиции, вслед за ветхозаветной, является четко локализуемой

¹⁰ Отметим специально, что временная локализуемость аористов и временная нелокализуемость перфектов косвенным образом коррелирует с существующим в некоторых языках запретом употреблять перфект при наличии в контексте обстоятельств конкретного времени. В данном случае применительно к старославянскому материалу речь идет о том, возможно ли (и естественно ли) в принципе определять временные координаты ситуации.

во времени. Напротив, клауза, содержащая перфектную форму (четырьмя времена кржгъ лѣтоу *оувѣнчалъ еси* ‘увенчал годовой цикл четырьмя временами года’), описывает некоторое следствие акта творения (отъ четырь стоухни тварь съставъ ‘взяв для своего творения от четырех стихий’), которое уже сложно привязать к временной оси.

Аналогично, в следующем примере оппозиция аористов и перфектов также коррелирует с противопоставлением конкретных ситуаций с четкой временной локализацией и нелокализуемых во времени ситуаций, которые при этом имеют скорее символическую, нежели физическую природу:

(24) Роднѣства нашего роды *свободнѣ еси* Дѣвнѣскаа *стнѣ еси* ложесна. Рождѣствомъ своимъ всѣ тварь въспѣтъ тѣ просвѣтѣвъшаго сѣ. ты бо бѣ нашъ на земнѣ *авн* сѣ. і съ ѹкы *пожнве*. Ты нерданъскыѣ воды *стн*. съ нѣсе пославъ *стааго* твоего дѣа. і главы гнѣздацнхъ сѣ змневъ тоу *съкроушнѣ еси*. ты оубо ѹкљюбѣе црю прндн н нынѣ прншествнемъ *стааго* твоего дѣа і *стн* водж снж. і даждн ен благодѣть [GEITLER 1882: 8].

Здесь интересно отметить противопоставление аориста и перфекта от одного и того же глагола *стнѣ*: аорист используется для описания конкретной ситуации (Ты нерданъскыѣ воды *стн*), тогда как перфект — для описания ситуации, имеющей скорее символический характер (Дѣвнѣскаа *стнѣ еси* ложесна). Существенно, что в обоих случаях речь идет о единичных, конкретных действиях, распространяющихся на единичные, конкретные объекты, и вряд ли можно предполагать, что вторая ситуация имеет прагматические последствия, релевантные для настоящего момента, а первая — нет. Наконец, последний перфект в этом отрывке иллюстрирует уже знакомый нам тип употребления: перфектная клауза (і главы гнѣздацнхъ сѣ змневъ тоу *съкроушнѣ еси*) описывает суть и смысл реальной ситуации, названной в том же отрывке (Ты нерданъскыѣ воды *стн*. съ нѣсе пославъ *стааго* твоего дѣа).

Синайский требник состоит из молитв, совершаемых по особым нуждам верующих: благословение какой-либо деятельности, исцеление от различных недугов и пр. Часть этих молитв построена по одной и той же схеме: в земной жизни Иисуса выбирается ситуация, в которой можно, условно говоря, усмотреть определенный аллегорический параллелизм с ситуацией, в которой необходимо произнести молитву. В первой части молитвы описывается соответствующий фрагмент жизни Иисуса, а во второй части молитвы формулируется собственно сама просьба. Такая структура молитвы должна была бы предопределять текущую релевантность ситуаций, описываемых в первой части молитвы, так как автор молитвы проводит параллель между ними и текущими

нуждами молящихся. Однако и в данном случае аорист и перфект распределяются по уже известному нам принципу: аорист описывает конкретные ситуации, перфект — тот скрытый смысл, которым наполнены эти конкретные ситуации, ту их интерпретацию, которая принадлежит автору молитвы. Во второй части молитвы обращение к Господу в сущности формулируется как просьба воспроизвести именно эти “скрытые последствия”, и тем самым оказать помощь верующим. Характерно, что во второй части молитвы часто используются императивы от тех же (или семантически очень близких) глаголов, которые в первой части молитвы употреблены в перфекте. Ниже приводятся несколько примеров; в них волнистой линией подчеркнуты описания конкретных ситуаций (это могут быть аористы, причастия, отглагольные имена), прямой сплошной линией — “символические” последствия этих ситуаций (именно в этих фрагментах употребляются перфектные формы), и, наконец, пунктирной линией подчеркнуты фрагменты с императивными формами, при помощи которых формулируется просьба, которой и посвящена данная молитва:

- (25) Прѣклонен главж на распатне прѣклонилъ еси себѣ всѣ видимаа сѣкроушилъ еси главы нхѣ і слыи нхѣ сѣкроушилъ еси главж всеа ѿза н оупнунжнлѣ еси снлж еѿ възвнглжлѣ еси многы главы повнненѣа грѣхы н болѣзньмн ты вѣко гѣ раун нынѣ прнзрѣтн на раба твоего сего поклонышааго тебѣ главж своѣж сѣкроушилъ главж болѣзнь дрѣжцѣж главж его і оупнунжн снлж еѿ възвнглжн главж его і нцѣан н отъ одржцѣаа болѣзнь ѣко ты еси глава наша і глава твоѣ съдравне наше н тебе славж въсылаемъ (мѡл над главж оболцѣемъ) [GEITLER 1882: 52–53].
- (26) Прнемы копне боджцее въ пазоухж твоѣж сѣкроушилъ еси всѣ жржжнѣ снлѣныхѣ і снлж нхѣ всѣж же непрнѣзнь і всѣж болѣзнь потрѣбнлѣ еси і попѣралъ еси хѣ бѣже нашѣ ты раун нынѣ сѣкроушилтѣ оржжне н снлж неджгоу семоу сжцѣоумоу внемъ поклонышо сѣа подѣ нго твое нареци неджгѣ бжжцѣен невнднмо поѣѣа і поѣерѣ н даждн съдравне рабоу твоему семоу, да въ съдравн прѣбываа прославѣетъ та съ оѣемъ н стѣмъ дѣо (мѡл на всѣж болѣзнь стрѣжцѣжжж і боджцѣжжж) [GEITLER 1882: 53–54].
- (27) Прострѣн ржцѣ на распатне і прнговоженнемъ длапю своєю прнговозилъ еси вса ржкы неустнвнхѣ і всѣхѣ непрнѣзнен і стрѣганнемъ жнлѣ твоихѣ нстрѣгалъ еси вса жнлы нхѣ н болѣзньнж своѣж поѣѣа еси вса слыи нхѣ еднпоуды сѣе бѣен хѣ бѣже нашѣ ты раун нынѣ прнговозилтѣ ржкы рѣватвамъ снмъ въшедѣшннмъ въ ржцѣ сн прострѣтѣн нынѣ къ тебѣ растрѣзааа слыи нхѣ рыжцѣннхѣ жнлы ржкоу сею възвеселн раба твоего сего і нцѣан ржцѣ его (мѡл на рѣватвы ржцѣннѣа) [GEITLER 1882: 56–57].

Однако если молитва построена таким образом, что формулируемая просьба сопоставляется непосредственно с определенным деянием Господа, которое представляет собой конкретную, локализуемую ситуацию, то, соответственно, молитва не содержит “интерпретационной” части¹¹, в первой ее части чаще используется аорист, чем перфект. Таким образом, мы видим, что и в данном случае наиболее существенным является локализуемость / нелокализуемость во времени, а, например, не текущая прагматическая релевантность события, которой, несомненно, обладают ситуации, описываемые аористом в (28)–(29) ниже:

(28) ПРНЕМЫ ЗЪВАННЕ СЛЪПОВУ І ПОКЛОПЕННЕ ЗОВЖЦЮМОУ ТА ІСѢ СІЕ ДВѢ ПОМНЛОУ
Н НЫ І ПО ВѢРѢ ЕЮ ОТВРЪЗЕ ОУН ОБЪМА І ПОДАВѢ НМА ПЖТЬ ШЪСТВОВАТИ ВЪ
САБДѢ ТЕБѢ ТА МОЛНМЪ ГІ НСХЕ СІЕ БЖЕН ПРНМН МОЛТВЖ І ПОКЛОПЕННЕ РАВА
 ТВОЕГО СЕГО І МЕНЕ ГРЪШЪНААГО ТВОРАЦААГО ПОВЕЛЪННѢ ТВОѢ ГЛАДАЦААГО
 ПРЪСТОМЪ ОУН ЕГО І ПО ВѢРѢ ЕГО ОТВРЪЗН ЕМОУ ОУН (МОЛ НАД ОСЛЕПШЕМ ЕГДА
 ЖЕ ХОЩЕШН ТВОРНТИ НАД (НН)МЪ МОЛ ПОГЛАДН ПРЪСТОМЪ ОУН ЕГО) [GEIT-
 LER 1882: 62].

(29) ГІ ІСХЕ БЖЕ НАШЪ АВАЕН УЮДО ОУЧЕНКОМЪ СВОИМЪ ЗАПРЪЩЕН СМОКОВН
НЕЦЛОДОВНТЪН НЕ ДАВЪШНН ПЛОДА ТЕБѢ ТРЪБОУЖЦЮ ЕГО РЕКЪ ЕН ДА НЕ
НМАШН ПЛОДА ВЪ ВѢКЪ І СЛОВОМЪ ТВОИМЪ НСОУШН ІЖ ТА МОЛНМЪ ГІ РАУН
 НЫНѢ ПРНБЛЖНТИ СД РАБѢ ТВОЕМЪ СЕМЪ ПОКЛОПЪШННМЪ СД ПОДЪ НМА ТВОЕ
 І ЗАПРЪТИ НЕДЖГОУ СЕМОУ РАСТЖЦЮМОУ ВЪ НЕМЪ НЕ НМѢТИ ПЛОДА НН РАСТНТИ
 СД ВЪ ВѢКЪ НЕ ДАЖЦЮМОУ СЪДРАВНѢ ЕМОУ І СЛОВОМЪ ТВОИМЪ НСОУШННН КОРЕНЬ
 ЕМОУ (МОЛ НА ВСЪ НЕДЖГЪ РАСТЖЦЕН НА ВСѢ ВРЪМЕНА Н ПРНСПО) [GEIT-
 LER 1882: 64].

Примеры типа (25)–(27) или (28)–(29) достаточно многочисленны, и каждая такая группа семантически однородна. Однако есть и небольшое количество примеров, в которых для описания конкретных ситуаций используется перфект, как ниже в (30):

(30) ГІ НСХЕ БЖЕ НАШЪ НЕПОСТЫДНЫ ЦЪАНТЕЛЮ НЕ ОТЪРННЖВЫ НН ЕДННОГО
 ПРНВЕДЕНААГО КЪ ТЕБѢ ОСКРЪБЛЕНА БОЛЪЗННЖ НН ОТПОУЦЪ НН ЕДННОГО ЖЕ
 ПРНВЕДЕНААГО КЪ ТЕБѢ БЕЗ ДАРА ЦЪЛЕБЪНААГО ПРНВЕДЕНААГО КЪ ТЕБѢ ГЛОУХА Н
 ГЖГЪННВА ВЪСПАЮНЖВЪ НА ЯЗЫКЪ ЕГО СЪТРЪБНАЪ ЕСН ПЪМОСТЬ ОТЪ ЯЗЫКА
ЕГО ТА МОЛНМЪ ГІ ДАВЪШААГО ВСЪ ОБРАЗЪ ЦЪАНТИ УКЪ ОТЪ ВСЕГО НЕДЖГА
 ПРНЗЪРН НА НЫ І НА РАВА ТВОЕГО СЕГО ПРНВЕДЕНААГО КЪ ТЕБѢ ВЪ ДОМЪ ОЦА

¹¹ Попутно можно отметить, что интерпретационная часть содержится в тех молитвах, где в качестве “опорной ситуации” выбираются страсти Христовы, но отсутствует в тех молитвах, в которых в качестве “опорных ситуаций” избираются Его деяния (напр., чудесные исцеления больных). Прагматически такая композиционная разница вполне объяснима: в первом случае необходимо раскрывать подлинный смысл ситуации, во второй он очевиден.

твоего дрѣжащааго врѣдѣ болѣзньны въ оустѣхъ і на ма грѣшьнааго творащааго образѣ сннѣ твонхъ щѣлаѣжщннхъ і отрѣбн. оуста. его. [GEITLER 1882: 51–52].

Наличие таких примеров подтверждает то, что уже говорилось выше: принципы употребления перфекта можно описать в виде определенных тенденций, но не в виде четких правил. Как уже говорилось, в языковой системе оказывается востребована именно такая форма с достаточно гибкими правилами употребления, которую говорящий может использовать для выделения в дискурсе тех ситуаций, которые он считает прагматически значимыми. В этом смысле очень показателен следующий пример из Синайского требника:

(31) Вѣко гѣ вѣже нашѣ поуеты ѿка по образу своему н дѣшеж съмыслѣнож і тѣломъ благообразномъ съврѣши ѿко да тѣло слоужитъ мыслѣн дѣи і главж на вышнннмъ мѣстѣ положи і на нѣн множѣннѣ ѹювѣствнѣ оутврѣждѣ не застѣпажща дроугѣ дроуга. власы же главж покрыль еси да не врѣднѣ са нзмѣненнемъ вѣтрѣ і вса оуды потрѣбно оустрои на немъ да всѣмн вѣсхвантѣ та благааго хждождѣннѣ [GEITLER 1882: 13].

Приведенный в (31) отрывок можно разделить на четыре фрагмента, композиционно идентичных и семантически параллельных: сперва описывается, как Бог создал ту или иную часть человеческого естества (соответствующие клаузы подчеркнуты сплошной прямой линией), и далее говорится, насколько это было мудро и полезно человеку (соответствующие клаузы подчеркнуты волнистой линией). И из этих четырех структурно и семантически параллельных фрагментов только третий (власы же главж покрыль еси да не врѣднѣ са нзмѣненнемъ вѣтрѣ) содержит перфектную форму. Это выглядит загадочно — если не знать, что перед нами отрывок из “Молтвы на пострнженне власомъ отроучѣ”. В данном случае очевидно, что употребление перфекта обусловлено не внутренней аспектуальной структурой ситуации и не сохранением / несохранением ее результирующей фазы в момент речи, а прагматической релевантностью ситуации. В данном случае важно не то, *какова* ситуация сама по себе, и не то, *как* говорящий ее описывает, а то, *зачем* он ее описывает.

До сих пор приводились примеры из Синайского требника, в которых описываются ситуации, достаточно отдаленные во времени: тексты всех процитированных молитв апеллируют к земной жизни Христа. Однако в Синайском требнике есть небольшое количество молитв, непосредственно связанных с текущей ситуацией. Такие контексты, в частности, предполагают, что событие произошло недавно, и его

результатирующая фаза сохраняется в момент речи. Как здесь распределены аористы и перфекты? И вновь мы наблюдаем описанную тенденцию: для обозначения конкретных и локализованных во времени ситуаций используется аорист, как в (32) и (33):

(32) Въпрошенне Чѣто **прнде** братре припадаѣа къ къ с<ва>тоумоу ольтарю і къ с<ва>тѣн дружинѣ [GEITLER 1882: 159].

(33) Н по сем<ъ> въпрашаѣт<ъ> поп<ъ> прнемѣшааго образъ стоѣа блнзъ ольтар<ѣ> ндеже стоѣагъ пѣвци гл<агол>ѣа снце.

Прнѣагъ лн а<н>ѣ<е>лѣскжж одеждѣж

Н гл<агол>ет<ъ> прнемы Прнѣасъ

Прнѣагъ лн чнстотж дѣвѣства

Гл<агол>ет<ъ> Прнѣасъ

(Мол<нтва> егда сънатн коуколь) [GEITLER 1882: 186].

Для обозначения же нелокализуемых во времени ситуаций “нематериального” свойства используется перфект. При этом они представляют собой изменения, характеризующие участников события, описываемого в цитируемом отрывке:

(34) Въ нстнж слава тебѣ бесѣмртѣны ц<ѣса>рю ѡ нпоудѣмъ твоѣмъ С<ы>нѣ і Б<о>зѣ нашѣмъ н Д<оу>сѣ твоѣмъ с<ва>тѣмъ ѣко не хоцешн сѣмртн грѣшннкоу нѣ обращенюу н животоу. Тѣмъ же н нынѣ всѣ въ добро *поспѣшнаѣ еси* сънатюу семоу д<оу>ховѣноумоу ѣко *обновнаѣ еси* рабѣ твоѣ съ новѣ[вѣ] пжтѣ с<ъ>п<ас>енюу н радоужтѣ сѣ о немъ а<н>ѣ<е>лн веселатѣ сѣ праведннн веселнмъ же сѣ н мы всн вндаѣе чл<овѣ>ци і славнмъ прѣс<ва>тоѣ твоѣ нма (Мол<нтва> егда сънатн коуколь) [GEITLER 1882: 186–187].

Ту же самую семантику перфект выражает и в следующих двух примерах: он описывает изменения, релевантные для характеристики субъекта ситуации (особенно показательно сопоставить (35) с (33)):

(35) Въпрошенне *Нспытааѣ лн еси* мапастырѣ

От<ъ>вѣт<ъ> *Нспытааѣ*

Въпрос<ъ> *Есть лн тн годѣ нгоуменѣ н братрнѣ всѣ*

От<ъ>вѣт<ъ> *Годѣ Х<ръст>а радн*

(Чнн<ъ> слоуженюу велнкоумоу ѡвразоу) [GEITLER 1882: 169].

(36) Тѣмъ же іже вес покааннѣ оумьреть то авѣ то есть ѣко нѣсть крестѣнѣ понеже не вѣроуетѣ вскрѣшенюу нн въ с<ва>тжж Тронцѣ да надѣ таковымъ не подобаетѣ сѣ нерѣовн обрѣтатн нн прнпошеннѣ за нѣ въ цр<ъ>к<ъ>вѣ прннматн. Аѣе лн есть жнвѣ то г<лаго>летѣ ѣко *Нѣсмѣ* добрѣ

паоучепъ закопоу Б<о>жью *ни разоумѣлъ истинъныѣ* вѣры крестѣнскы то снще паоучнтн (над<ъ> нсповѣдаѣцнмъ сѣ) [GEITLER 1882: 122–123].

Можно отметить еще несколько примеров употребления перфекта в контекстах, близких к (31). Так, в (37) и (38) предикат находится в сфере контрастивного фокуса: в (37) — ‘ты уже прославил его земную жизнь, так оправдай исход его жизни в круг твоих святых’, в (38) — ‘ты премудростью своей создал человека, и опять возвращаешь его в землю’):

(37) молнмъ тн сѣ ꙗко раба твоего сего брата нашего ꙗко сложнтелъ съ намн бывѣша оусънжвѣша въ оупѣваннѣ жнзнн въскрѣшеннѣ на лонѣ авраман ꙗсаковѣ ꙗкован покон ꙗко на земн въ цркви твоен слоуж оустрои н бѣ прѣдъ аблы же твоѣ славж не осжжденна прннмн ты н на земн жнвотъ его *оу прославнлъ еси* ты нсходъ жнвота его въ вѣходъ стѣхъ твоихъ вправѣдан дѣхъ его ꙗ прнчѣтн н съ всѣмн стѣмн твоимн оугождѣшнмн отъ вѣка [GEITLER 1882: 106–107].

(38) Вѣко ꙗко бже нашъ имѣан едннъ бесъмрѣтство жнвы въ свѣтѣ непнстжпнѣ оумрѣцвѣѣ н жнва н ннзвода въ адъ н възведа ты своеж прѣмждростнж *создалъ еси* чѣка ꙗ пакы въ землж възвращае[н]шн н дѣла длгы нстазаѣ молнмъ та прннмн дѣшж раба твоего сего н покон н на лонѣ аврамовѣ ꙗсаковѣ ꙗкован [GEITLER 1882: 106].

Итак, типы употребления перфекта в Синайском требнике семантически достаточно однородны: перфект употребляется для характеристики темы определенного фрагмента (которая часто, но не обязательно совпадает с субъектом перфектной клаузы). Важно еще раз отметить яркий пример (31), в котором перфект явно используется для выделения прагматически релевантной клаузы в молитве, и примеры (37) и (38), где перфектные формы занимают контрастивно-фокусную позицию. Заметим, что эти фокусные типы употребления также близки к экзистенциальным: в обоих примерах сопоставляются две ситуации: “прошедшая”, описываемая перфектной формой, упоминается автором текста в качестве аргумента для подкрепления своего взгляда на текущую ситуацию, что является достаточно типичным контекстом для употребления экзистенциальных перфектов.

4. Супрасльская рукопись

Супрасльская рукопись отличается от рассмотренных памятников в нескольких отношениях. Во-первых, она представляет собой мартовскую миною — собрание житий и гомилий. Поэтому в ней, в отличие от текстов молитв, составляющих псалтырь и требник, оказываются хорошо

представлены такие существенные для анализа семантики перфекта контексты, как диалогические реплики. Во-вторых, Супрасльская рукопись представляет собой единственный старославянский памятник, в котором перфекты третьего лица количественно преобладают над перфектами второго лица [Vešerka 1993: 166]. Это позволяет думать, что здесь легче обнаружить содержательные, а не формальные параметры, регулирующие выбор между перфектом и аористом. Наконец, в Супрасльской рукописи наряду с формами перфекта 3 л. со связкой регулярно используются бессвязочные формы, поэтому необходимо рассмотреть вопрос о возможном семантическом различии между этими двумя конструкциями.

Так как в Супрасльской рукописи представлено немало диалогов, здесь довольно часто встречаются ситуации “канонического” перфектного типа: ситуация имела место в недавнем прошлом, ее результат (в узком или расширенном понимании) сохраняются в момент речи. На материале Супрасльской рукописи хорошо видно, что в результативном контексте употребляется не перфектная, а аористная форма. Ниже приводятся примеры аориста в результативном значении, причем были специально подобраны аористы 2 лица единственного числа, так как известно, что в целом перфектная форма с аналогичной лично-числовой характеристикой употребляется наиболее активно. Примеры также демонстрируют, что различные дополнительные коммуникативные параметры не влияют на выбор перфекта вместо аориста. Так, в примере (39) аорист использован для передачи информации, новой для слушателя:

(39) став'шии же ієн на мѣстѣ на нѣм'же повелѣ аурнаиѣнъ. ѥ авнїє аг'гелъ гнѣ прѣдѣста прѣдъ нѣнѣ. глагола. не оубоѣ сѣ ноулаиѣнн. гѣ во іс хс іємоуже ты слоужшии **посъла** ма покрыти тѣ. и показати сватою нма ієго вѣсѣмъ боѣштнїмъ сѣ ієго [Supr 1: 65–70].

В следующих примерах аорист использован для передачи информации, слушателю известной (очевидно, что такие контексты среди форм второго лица численно преобладают). В (40) предикаты используются для оценки поступков собеседника:

(40) пауль рече. правѣ **сълага**. ннчесоже штоужда **сътвори** набуученнѣ отѣца твоієго днявола. не можешн бо ннкогоже отѣтрѣгнѣти. развѣ лѣжеѣ. насъ же не нмашн вѣсхытити. аште ѥ цѣсарѣство намъ обѣштаваієши. ієгоже ты анхъ ієси [Supr 1: 37–45].

В (41) называются действия собеседника (как в вопросе, так и в утвердительных предложениях):

(41) воѣвода же повелѣ посѣлати воины ѿ ѿвестнѣ ꙗко храма. тажыцѣ во скръжьтааше збы на нѣ. ѿ рече къ нѣмоу·обоуѣне. н всеа мнлостн богъ стуждѣ уѣсо радн ѿнако **рече**. ѿ ѿнако **сътвори**. глаголааше жрѣтн. да въ жрѣтвы мѣсто влѣхвоуаннѣмъ своѣмъ о҃гнь **прине**се на храмъ. ѿ бога нашего **пожже** [Supr 2: 258–266].

В (42) аорист в результативном значении используется в вопросе для описания действия собеседника, далее — для оценки этих действий, и, наконец, третий раз — в придаточном причины:

(42) ѿдннѣ же о҃тъ ннхъ коравь не могу прѣблнжннѣ сѣ къ воѣводноу коравью·о҃братн сѣ на о҃нж странж·въз’пн же воѣвода·къ сжштннѣмъ въ коравн глагола·шѣдѣше на о҃нж странж възнштате прѣдѣ градомъ·коѣго савнна ѿменемъ·крѣстннѣна сжшта·оумжѣена мжкамн·ѿ рѣцѣте ѿмоу уѣсо радн **ставн** насѣ влѣшѣствомъ твоѣмъ·прннѣ на о҃нж странж к тебѣ·**буво**ю бо сѣ мжкы да тѣмъ не **да** намѣ прѣннѣ [Supr 11: 219–230].

В (43) аорист в результативном значении используется трижды: первый раз — в диалоге палача с мучеником (причем это редкий контекст миративного характера, где называется информация, новая для говорящего), причем в контексте ‘еще не’ (ты еще не ощутил муки), который в принципе тяготеет к перфектной семантике, второй раз — в молитве, в которой святой благодарит Бога за то, что он дал ему сил и укрепил его:

(43) ѿкоже о҃трѣшннѣ врѣтнште. ѿскоунвѣ стын ста простѣ. ѿн’оупатѣ рече не ю ѿште **поѣоу** мжкѣ. стын же кодратѣ възрѣвѣ на небо рече· благодарѣствоуѣж та гн ѿ хсе. ѿко стрѣлы младеннштѣ быша раны нхѣ. ѿ ѿзнеможе въ ннхъ крѣпостѣ нхѣ. мнѣ же снаж **пода** н ѿ **оукрѣпн** ма [Supr 7: 563–571].

Как можно видеть, вне зависимости от дополнительных параметров (вопросительное / утвердительное предложение, старая информация ~ информация, новая для говорящего / слушающего, придаточное предложение / независимая предикация и пр.) аорист устойчиво употребляется для передачи результативного значения. Что касается употреблений перфекта в Супрасльской рукописи, мы специально остановимся на следующих вопросах: употребление перфектов для описания нелокализуемых во времени ситуаций, употребление перфектов от глаголов, описывающих ситуации с конкретной временной локализацией, и употребление перфектов без связки.

4.1. Перфекты от предикатов, описывающих нелокализуемые во времени ситуации

В Супрасльской рукописи в перфекте часто выступают предикаты, описывающие существенные изменения состояния или статуса субъекта действия либо топика данного фрагмента:

- (44) ꙗко прѣдѣста прѣдѣ ꙗпоупатомъ. ꙗ рече к ѿмоу. *пооумнлѣ ли са ꙗсн* ѿбо кодрате. ꙗли ин [Supr 7: 764–766].
- (45) тако во н мнози немнлостнвыѣ *обыкли сжтъ* тьмны нарцати [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: 374; 32: 26–27].
- (46) чѣстѣнын ѡтъче поѿеже *сыгрѣшнлѣ ꙗсн* ꙗбуто молж ѡсобѣ блаженѣма вама повѣдати [Supr 25: 273].
- (47) вѣдѣ ꙗ азъ ꙗко ѡтъврѣже са дѣвола. ꙗ всѣхъ аггелъ ꙗго. ꙗ владыцѣ хсоу сѣврѣшенѣ самъ *са ꙗсн прннеслѣ* [Supr 23: 378–380].
- (48) слава тебѣ боже ѡтъцѣ нашнхъ ꙗвраама ꙗсаака. ꙗꙗкѡва. ꙗзвездѣн насъ из мнра сего. ꙗко *сыподобнлѣ ꙗсн* прнвестн насъ на вѣрж сватжѣ своѣ [Supr 23: 202].

Предикаты всех этих примеров обладают уже упоминавшейся особенностью: они не *описывают* конкретные, локализуемые во времени ситуации, а скорее *характеризуют* их субъект / топик при помощи глаголов определенных семантических групп. Такие глаголы (*обыкли сжтъ*, *сыподобнлѣ ꙗсн*, *владыцѣ хсоу сѣврѣшенѣ самъ са ꙗсн прннеслѣ*) представляют собой “резюме” (интерпретацию) определенного событийного ряда (возможно, описанного в предтексте, но возможно, и относящегося к общему фонду знаний). Глаголы таких семантических групп не *называют* какую-то конкретную ситуацию, а являются *резюмирующей характеристикой* некоторого события, типа поведения и т. п. Именно поэтому затруднительно (и даже абсурдно) говорить о точной временной локализации таких предикаций. На наш взгляд, употребление формы перфекта в данном случае непосредственно связано с *характеризационной* семантикой, которая для таких глаголов непосредственно относится к их лексическому значению.

Примеры также демонстрируют, что перфектная конструкция связана не столько с характеристикой синтаксического субъекта клаузы, сколько с характеристикой топика данного фрагмента повествования, ср. (48) выше, а также (49)–(50):

- (49) разгнѣвавъ же са доук’сѣ. възъмъ камыкъ. врѣже да ѡударнтъ ꙗд’ного ѡтъ стѣнхъ. възвратнвъ же са камыкъ на лице княже ꙗ сѣкроушн ꙗмоу вѣсе лице. [. . .] воѿвода рече тако мн бозн. вѣшѣство ꙗкоуе выстѣ. стѣн доменъ рече. тако мн хъ бѣ нашъ *вѣмѣстнлѣ са ꙗсн* [Supr 5: 221–233].

(50) [Бог послал к Св. Иоанну льва, чтобы защитить его от солдат. Св. Савва, посетивший его, говорит:] *се съхраннлѣ тѣ іѣсть_богъ ѡтъ ратѣннѣска прнхожденнѣ ѿ ѿзвѣстн тн вѣдомъ тн стражъ посълавъ* [Supr 5: 454–455].

Аналогичное характеризационное употребление перфекта встречается и в прагматически более ярких контекстах — в *интерпретационных* контекстах (в контексте эксплицитно называются некоторые реальные ситуации, к которым затем и применяется операция логического анализа событийного ряда)¹². При этом перфектная форма как бы подводит итог этим событиям, не описывая, а характеризуя их, и через них — субъект либо топик данного фрагмента повествования:

(51) *Внднши лн колнко тн бываатъ намъ ѡтъ пнштннхъ прнкоупъ. Аште се погоубнши многѣж съпаса нашего погоубнлѣ іѣсн надеждж* [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: 373; 32: 21–25].

(52) *оуснжхъ на крестѣ н копьемъ проведенъ выхъ въ ребра тебе радн оуснжвѣшаго въ ран н еугу ѡтъ ребра нзведѣша мое ребро нцѣанло іѣсть болѣзнь твоего ребра. мон съпъ нзведетъ тѣ ѡтъ съмрътънаго съпа. мое копнѣ оуставнло іѣсть обраштажштее сѣ на тѣ копыѣ* [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: 469; 40: 25–30].

(53) *ты іѣсн богъ творѣн ѡудеса. сжштѣѣ во на ны по насъ сътворн. ѿ лншеннѣ четырѣ десѣтъ наплѣннлѣ іѣсн*¹³ [Supr 5: 386–388].

В примере ниже интерпретационный перфект сочетается с прагматическим выделением предиката, что также характерно для перфекта:

(54) *довѣлѣетъ тн ѡубо ѡже прнѣтъ мжкы. прнстжпнвѣ пожърн богомъ. Блаженнѣ же кодратъ реуѣ: нгралѣ іѣсн съ мноуѣж мжкамн смнн твоимн* [Supr 5: 589–593].

4.2. Перфекты от предикатов, описывающих конкретные ситуации

До сих пор говорилось, что тягу к перфектным употреблением демонстрируют прежде всего те предикаты, которые описывают нелокализуемые во времени ситуации. Однако в перфекте могут употребляться и глаголы, описывающие конкретные ситуации. Ниже мы рассмотрим контексты употребления перфекта и аориста от двух глаголов — *посълати* и *прѣти*. Они оба описывают локализуемые во времени ситуации, причем

¹² Такие контексты в особенности характерны для Синайского требника, см. предыдущий раздел.

¹³ Контекст: один из 40 христиан, подвергнутых пытке холодом, не выдержал и отрекся, но один из стражников, уверовав, занял его место.

имеют очевидную результирующую фазу, которая может сохраняться в момент речи (и во всех рассмотренных ниже примерах это именно так).

4.2.1. *Посълати*

Численное доминирование аористных форм данного глагола над перфектными еще раз убеждает нас в том, что результирующее значение в старославянском передается аористом, ср. (55) и (56):

(55) ꙗѡвн бо сѧ ꙗ́ен вѣ сѣпѣ глагола· се оуво боꝑъ **посъла** ма к тебѣ повѣждѣ мн ч'то хоштеши [Supr 25: 643–647].

(56) став'ши же ꙗ́ен на мѣстѣ на нем'же повелѣ аурнапѣ. ꙗ́ авнѣ а́ггелъ гнѣ прѣдѣста прѣдѣ ꙗ́еж. глагола· не оубоꝑ сѧ ꙗ́оуляпѣ. ꙗ́ бо ꙗ́с хс ꙗ́моуже ты слоужши **посъла** ма покрыти та. и показати сватою ѿма ꙗ́го вѣсѣмъ боа́штнѣмъ сѧ ꙗ́го [Supr 1: 65–69].

Если в (55) и (56) важна именно результирующая фаза ('Господь послал меня, и я здесь с тобой'), то в двух примерах ниже представлены диалогические реплики, являющиеся микронарративами (краткими сообщениями о предшествующих событиях). Они должны объяснить собеседнику причину появления говорящего в этом месте; в этом случае важна не столько результирующая фаза, имеющая место в момент речи, сколько информация о предшествующей ситуации, за которой последовала эта результирующая фаза. Несмотря на указанное отличие от (55) и (56), в примерах (57) и (58) ниже также употребляется аорист:

(57) – откждоу пришла ꙗ́си сѣмо кого ли нштеши.

– отъ монастырѣ ꙗ́смъ съде ванзѣ сжштааго, и **посла** ма ꙗ́гоуменьа допестн просворж вѣ съж вѣсь и възвратнвѣши мн сѧ и ѿдѣшти вѣ монастырѣ омръкохѣ на мѣстѣ семѣ [Северьянов 1904: 515; 46: 24–29].

(58) ꙗ́днѣ ꙗ́ отъ днвнѣхъ жнвотѣ глагола ꙗ́пнскоупоу· ꙗ́ко рабѣ божнѣ· а́ртемонѣ· а́тъ бѣвѣ комнсомѣ ꙗ́еунстынѣмъ ꙗ́де вѣ ꙗ́сарнѣж· не вѣровавѣ же ꙗ́пнскоупѣ· того ради **посъла** ма сѣмо· а́ште ꙗ́стна ꙗ́сть ꙗ́же слыша· велнкж бо ꙗ́чалѣ ꙗ́матѣ о тебѣ [Supr 19: 153–160].

Перфект от глагола *посълати* употребляется в примере (59):

(59) како вѣси ты ꙗ́ко тѣгда нарече ꙗ́ быти мнѣ патрѣархоу· оꝑѣ же отѣвѣштавѣ рече· не ꙗ́льма ли а́ггелъ ꙗ́а вѣседръжнтелѣ ꙗ́смъ а́зѣ· то того ради вѣдѣ· ꙗ́ тогда бо господѣ ма бѣ посълалѣ к тебѣ· ꙗ́скоушнѣ оусрѣднѣ твоѣ· а́ште оубо ꙗ́ловѣколюбнѣ· а́ не ꙗ́ловѣкомѣ творнѣши вѣдѣти мнлостѣ своѣж· Блаженнѣ же то слышавѣ оубоꝑ сѧ· не оу бо вѣа́ше дотолѣ вѣдѣлѣ а́ггела· а́кы къ ꙗ́ловѣкоу бо бесѣдова ꙗ́ възна на нѣ· рече же а́ггелъ къ

блаженѡудѡмоу· не вои сѧ· се *посълааь ма ѡсть* гъ да вждж съ товоужъ въ жнтнн семъ [Supr 8: 114–128].

На первый взгляд этот пример идентичен (55) и (56): ангел сообщает святому о том, что он послан к нему Господом. Однако есть существенное отличие: в (55) и (56) ангел произносит эту фразу в момент явления святому, сообщая о своем появлении и о том, что святой может полагаться на его помощь. Тем самым в (55) и (56) оказывается существенной информация о самой ситуации: Господь послал святому заступника. Но если мы посмотрим на левый контекст в (59), окажется, что ангел уже некоторое время беседует со Григорием Великим, уже сообщил ему о том, что он был послан Господом (*не ѡльма лн аггелъ га вьседрьжнтелѧ ѡсмъ азъ*). В конце этой беседы св. Григорий оробел, поскольку он прежде не видел ангела, и потому разговаривал с ним и смотрел на него как на обыкновенного человека. Ангел принимается успокаивать его и говорит, чтобы Св. Григорий не боялся его, ибо он, ангел, послан Господом к нему, чтобы сопровождать его в земной жизни. Тем самым здесь предикация *посълааь ма ѡсть* гъ важна не как сообщение о ситуации (эта информация уже известна слушающему), а как характеристика говорящего, как его свойство: Св. Григорий не должен бояться ангела, потому что по повелению Господню он теперь его помощник.

4.2.2. Прити

В случае с глаголом прити также чаще используется аорист; в примере (60) он использован дважды для сообщения о совершившейся ситуации, результирующая фаза которой имеет место в момент речи; это отрывок из “Слова на Благовещение” Иоанна Златоуста:

(60) радоуи сѧ доушевьпнн храме вожнн· радоуи сѧ обьштеѡ жнлнште· небесн н земн· радоуи сѧ неразлжчьнааго ѡстьства мьсто пространое· смь оубо тако сжштемь· **прнде** къ болаштннмъ врауь· сьдаштннмъ въ тьмь сльпнце правьднпоѡ ѡвн сѧ· вльпнѧжштннмъ отншнѡ· н невльпнштекѡ сѧ прнстаннште· непрьмнпо· ненавндаштннмъ рабомь отьнждь ходатаи родн сѧ· н мнроу съвжзъ· пльпненнмъ рабомь нзбавнтель· **прнде** воржштннмъ съ любвьвьжъ крьпкъ покровь [Supr 21: 284–297].

В следующем отрывке аорист 2-го лица единственного числа используется в ответной реплике Св. Конона: то запугивая, то уговаривая Св. Конона, воевода пытается заставить его отречься от христианской веры. На это Св. Конон отвечает: “За тем ли ты, торопясь, пришел сюда, утруждая себя и слуг твоих? Не знаешь ли ты, что ничто не может заставить нас отречься от любви Христовой?”:

- (61) на се ли тоуѡ **прнде** скоро троднвѣ себе. ѿ слоугоуѡштѡд тебѣ. не вѣси ли
 ѡко ник'тоже насѣ не можетъ ѡтъ любви хр'стовы ѡтължѡти лѣштеннѣ.
 ни вѣспрѣштеннѣ смърти ни ѡгнѣ ни мѡуѣ [Supr 3: 777–779].

Во всех примерах употребления перфекта от глагола *прити* упоминание о ситуации служит для характеристики субъекта ситуации. Так, в примере (62) перфектная клауза обозначает, что появившиеся люди были усталыми, так как пришли с дороги отдохнуть:

- (62) разбоишци же зѣло прѣблживѣше сѡ къ мѣстоу. ѿ молаште своѣго
 старѣишииже коина прѣстѣпѣти сѣ ѿнми ѡувѣштати не могоша. ѿ
 ѡставивѣше ѿго ѡустрѣмѣша сѡ на мѣсто. [. . .] прѣблживѣше же сѡ
 къ домоу сѡаго ѡударѣша въ двѣри. конопѣ же мѣнѣвъ яко к'то сѣтъ
 ѡтъ просѣтѣихъ. ѿли ѡтъ волнѣ по ѡбываю прѣходѣтѣихъ. ѡтврѣзе ѿмѣ
 двѣри. ѿ видѣвъ ѡ въ ѡржжнѣ мѣнѣаше яко сѣ пѣти *сѣ пришъл* поучѣти
 [Supr 3: 447–459].

В примере (63) перфектная клауза также характеризует субъект: говорящие предполагают, что их собеседник является чужим в здешних местах¹⁴, и потому не слышал ничего о произошедших в Иерусалиме событиях:

- (63) Тольма ли ѡ мжжоу дрѣжнмѣ ѡси невѣдѣниемѣ да сего не разоумѣши.
 еда странникѣ ѡси снхѣ мѣстѣ еда нынѣ *пришълъ ѡси* въ градѣ сѣ ѡ
 же мѣнѣвъ нного ѡзыка ѡси ѡште сего не ѡувѣдѣ. тварѣ нзмѣни сѡ не
 възможе ли възрѣти. ты ли еднѣ живѣши въ нероусалимѣ не разоумѣ
 вывѣшаго въ немѣ въ дѣни сѡ [Северьянов 1904: 475; 41: 19–25].

Показательно, что в отрывке (64) перфект используется для сообщения о том, что пришел Св. Василиск, однако здесь следует обратить специальное внимание на коммуникативную структуру высказывания: поскольку воевода, как следует из приведенного в квадратных скобках фрагмента из левого контекста, потребовал привести Св. Василиска, высказывание с перфектом не обозначает событие 'пришел Василиск' (то есть не является ответом на вопрос 'что произошло'), а сообщает информацию о статусе субъекта 'Василиск находится здесь' (это информация вида 'как обстоят дела с Василиском'):

- (64) [хотѣше бо скоро ѡтѣти ѡтъ ѡмасна. рече воѣвода маѣстриѡу ѿ
 воиномѣ. сѣвѣзавѣше василска бнѣште прѣведѣте. [. . .] дошедѣшемѣ
 же ѿмѣ на ѡутрѣ въ команѣ. слышаахѣ ѡтъ много. ѿже творѣше воѣвода

¹⁴ Показательно, что в русском языке это значение можно передать прилагательным *пришлый*, восходящим к л-причастию.

мжкы крѣстнѣпомѣ. вѣлѣзъ же маѣнстрѣнѣ кѣ воѣводѣ рече· *пришлѣ ѣсть* васнѣнскѣ [Supr 2: 150–154].

Наконец, любопытно употребление перфекта в (65): в келью святого стучится монахиня, прося убежище, и между ними состоялся следующий диалог:

(65) — помнлоун ма рабе бѣнн еда како звѣрѣмн нзѣдена бждж прѣдѣ главож твоѣж.

Помыслнѣ же правѣдѣнын н вѣды въ мѣстѣхъ тѣхъ звѣрнн множѣство въ размышленѣнѣ вѣпадѣ отврѣзъ двѣрн н глагола ѣн

— откждоу *пришла ѣси* сѣмо кого лн нштешн.

— отъ мапастырѣ ѣсмѣ сѣде блнзѣ сжштааго, н посла ма нгоуменѣнѣ допестн просворж въ сыж вѣсѣ н вѣзвратнѣвшн мн сѣ н нджштн въ мапастрѣ омрѣкохъ на мѣстѣ семѣ [Северьянов 1904: 515; 46: 19–29].

На первый взгляд кажется, что в совершенно аналогичных вопросительных контекстах мы встречаем аорист в следующих двух примерах:

(66) вндѣвѣ же ѣ ѣпнскоупѣ глагола кѣ вратароу· отъкждоу *прдоша* сна днвна козы н ѣленн ѣвнѣ же ѣдннѣ отъ ѣленню отврѣзъ оуста своѣ рече· ѣловѣѣскомѣ гласомѣ· рабѣ вожнн ѣртемонѣ ѣтѣ выстѣ· неѣнстынѣмѣ комнсомѣ [Supr 19: 110–114].

(67) онѣ же въ маѣѣаннѣ сы. вѣзѣрѣвѣ вндѣ кынѣхъ бѣсѣ сѣсжмнѣште сѣ ѣго. н застжпаѣжштѣ отъ страха. н повелѣвѣ нмѣ прнтн кѣ себѣ. н прншедѣше стаща прѣдѣ ннмѣ. вѣпрашаѣше же ѣ глагола· ѣсо радн *прдоште*. онн же рѣша ѣто велншн намѣ творнтн. онѣ же властыж повелѣ рекѣ нмѣ· ннкомоуже отъ ѣловѣкѣ да не творнте пакостн нн на коѣже зѣло дѣло н скврѣнаво поустнтн [Supr 3: 424–434].

Однако отличие (66) и (67) в том, что говорящий имеет некоторое представление о субъекте действия (днвна козы н ѣленн в (66) и бесы, “сѣсжмнѣште сѣ ѣго. н застжпаѣжштѣ отъ страха” в (67)), и его действительно интересуют некоторые неизвестные ему параметры ситуации: *откуда* в (66) или *зачем* в (67) они пришли. Напротив, в (65) говорящий задает вопрос, только увидев женщину, и поэтому ответ на вопрос откждоу *пришла ѣси* сѣмо действительно будет для него характеристикой собеседницы, о которой он в данный момент вообще ничего не знает.

4.3. Перфекты третьего лица единственного числа без связи

В отличие от житий, в гомилиях Супрасльской рукописи часто употребляется бессвязочный перфект. В целом он демонстрирует тот же семантический спектр, что и перфект со связкой. Так, для него характерны

интерпретационные употребления. Ср. противопоставление в следующих примерах аористов, описывающих конкретные, локализуемые во времени ситуации, и перфектов, описывающих скорее суть, смысл либо последствия конкретных ситуаций:

- (68) ꙗко съврѣгы рнзы къ нагыѣмъ сѧ **прнмѣсн.** ꙗко вѣпна тожде зѣваннѣ сватынхъ. крѣстнѣнъ ꙗсѣмъ. ꙗко напраснѣемъ прѣложеннѣ. ꙗко **сѣтворнѣ** зѣраштнѣмъ. ꙗко **напѣлѣннѣ**. ꙗко печѣлѣ бывѣшѣжѣ. ꙗко **обувѣжавѣшнѣ** прѣложеннѣмъ свонѣмъ **оутѣшнѣ**. [. . .]. **внѣдѣ** небесѣска ꙗкоудеса. **позна** ꙗсѣннѣ. **прнвѣже** къ владыцѣ. **прнчѣте сѧ** съ мжѣеннѣкы. **обновнѣ** ꙗкоже ꙗко **обученнѣ**хъ. ꙗкоде ꙗкода. ꙗко **внѣнде** за ꙗко матѣня [Supr 6: 409–428].
- (69) матн ꙗкодоного блаженнѣхъ. тѣхъ **внѣдѣвѣшн** прокыѣнхъ. ꙗкоже **стоуденнѣ** обумерѣша. ꙗко **своѣго** ꙗкоде дыхѣжѣшѣта. [. . .] **сама** своѣма рѣжама **вѣзем** ꙗсѣн на рамо. **вѣзложн** на кола. на ꙗкоже **проуѣнн** нѣже лежѣшѣте. на **огнѣ** везомн **бѣахѣ**. [. . .] по ꙗсѣннѣ. добра корене добра же ꙗко **лѣтораслѣ**. **показа** добра матн. ꙗко **обученнѣ**мн **благыѣ** вѣры **вѣскрѣмнѣ** н ꙗкоде. **неже** мѣкомъ [Supr 6: 504–527].
- (70) ꙗко **многѣ**шн **обращѣшн** въ ветѣхыѣхъ кннгахъ **сѣмрѣтн** ꙗко **нарнѣ**мо. прѣставѣеннѣе ꙗкоже **отѣсѣдѣ** **понеже** **оубо** **сѣлазоу** **копѣ**ннѣ **бысѣ**. **вѣскрѣшеннѣе** **наста** н **чловѣколюбѣ**ц **владыка** **ново** н **странно** **жнѣ**нѣ въ **жнѣ**нѣ **нашѣ** **внѣсѣ**. **оуже** **бо** за **сѣмрѣ**тъ **оусѣ**пеннѣе н **сѣнѣ** глаголетъ **сѧ** [Северьянов 1904: 487; 43: 23–29].

В гомилиях есть также два интересных отрывка, ярко демонстрирующих, что перфект используется именно для характеристики субъекта ситуации: в (71) и (72) конкретные деяния Христа перечисляются не как события, а как те ситуации, через совершение которых он характеризуется; в (71) это эксплицитно резюмируется последними словами отрывка — **сн дѣла** въ **нстннѣ** **сжѣ**тъ **божна** **снлы**, **сн дѣла** **далеѣ**е **сжѣ**тъ **сѣмрѣ**тнаго **естьства**:

- (71) **бесѣ**доваста къ **себѣ** о **семѣ** **прн**кляѣшннѣмъ **сѧ** **помыш**ласта **бо** въ **себѣ** ꙗкоже о **вѣлнѣ**цѣ **дѣ**аннн **како** **сѣ**творнн **така** **знаменнѣ**нѣ **сѣ**трѣпѣ **а**тъ **бы**тъ **хоуды**ннн **рѣ**жамн. **како** **сѣ**творнн **мно**жѣство **ꙗко**удесѣ **нзволнѣ** **а**тъ **бы**тн. **ꙗсѣ**ство **воднѣ**нѣе въ **внѣ**нѣ **прѣ**ложнвын **безмѣ**рѣно **мно**жѣство **отъ** **малѣ** **хлѣ**бѣ **прѣ**пнтѣлѣ. въ **поу**стынн **про**гнал **словомъ** **мно**жѣство **вѣ**сѣ. **слово** **н**спушѣаашѣ н **про**ганѣаашѣ **не**джгы. **посы**лаашѣ **глаго**ль н **отъ**хождаашѣ **стра**стн. **бръ**ннѣемъ **об**навѣаашѣ **зѣ**нннн **о**чнѣ. **оумѣ**рѣшѣаашѣ **ка**ко **сѣ**пашѣаашѣ **гла**шаашѣ, **хро**мыѣ **на** **те**чѣннѣе **словомъ** **зѣ**ваашѣ. **осла**бѣенѣаашѣ **н**сѣѣланвѣ **дѣ**латѣлѣнѣ **о**дрѣ **сво**ѣмоу **по**казаѣ. **по**ходнѣлѣ **ка**коже **по** **соу**хоу **врѣ**хоу **морнѣ**нѣ. **бо**урѣ **вѣ**трѣннѣ **о**утолнѣлѣ **словомъ**. **а**тнѣ **кра**ѣ **рн**зы **кра**дѣашѣ **н**цѣленѣнѣ **мы**тарѣ **а**постоѣ **твора**ннѣаашѣ,

БЛЖДННЦЖ ПЛАКАВЫШЖ СЖ ВЪ НЕБЕСЪСКИН КРЖГЪ НАСТАВЬКАШЕ. СЕ КЪ СЕБѢ ГЛАГОЛАСТА Н БЕСѢДОВАСТА СН ДѢЛА ВЪ НСТННЖ СЖТЪ БОЖНА СНАЫ, СН ДѢЛА ДАЛЕЧЕ СЖТЪ СЪМРЪТЪНАГО ЕСТЬСТВА [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: 473; 41: 4–25].

- (72) ГОСПОДЬ ЖЕ НАШЪ ІСОУ ХЪ ЗА МНОГЖЖ БЛАГОСТЬ ПРОКАЖЕНЫА ОУНШТААШЕ, СЛѢПЫНМЪ ВНДѢНЪЕ ДАКАШЕ, ХРОМЫА ЦѢЛАКАШЕ, БѢСЫ ПРОГАНКАШЕ, ЛАЗАРА ЧЕТВРЪТОДЪННА НЗ МРЪТВЫНХЪ *ВЪСТАВНАЪ*, ОТЪ ПАТН ХЛѢБЪ ПАТЪ ТЫСЖШТЪ НАСЫШТЪ, ПО МОРУ *ХОДНАЪ* ВОДЖ ВЪ ВННО *ПРѢЛОЖНАЪ*, КРЪВОТОУНЦЖ *НЦѢЛНАЪ*, ДЫШТЕРЪ АРХНСУНАГОГА ОУМЪРЪШЖ *ОЖНВНАЪ*, Н ННѢХЪ МНОГЪ ТАННЪ ДОСТОННЪ ЧОУДЕСЪ *СЪТВОРНАЪ* [СЕВЕРЬЯНОВ 1904: 480; 42: 19–28].

5. Перфект в Мариинском евангелии

Поскольку основные контексты, в которых употребляется перфект, уже были подробно разобраны и прокомментированы на примере других крупных памятников, в случае Мариинского евангелия мы ограничимся лишь иллюстрацией основных типов употребления этой формы с минимальными комментариями¹⁵. В отличие от Синайского требника и гомилий Супрасльской рукописи в Мариинском евангелии представлено не так много интерпретационных употреблений; тем не менее, встречаются и они ср. (73) и (74):

- (73) ОСТАИѢТЕ ЕЯ. ПО ЧЪТО ІЖ ТРОУЖДААТЕ. ДОБРО БО ДѢЛО СЪДѢЛА О МЫНѢ. ВЪСЕГДА БО ННШТАКА НМАТЕ СЪ СОБОЖЪ. І ЕГДА ХОЦЕТЕ МОЖЕТЕ НМЪ ДОБРО ТВОРНТИ. А МЕНЕ НЕ ВЪСЕГДА НМАТЕ. ЕЖЕ НМѢ СН СЪТВОРН *Варнаа ЕСТЬ* ПОХРНЗМНТИ ТѢЛО МОЕ НА ПОГРЕБЕННЕ (Мк 14:6–8).
- (74) І АЦЕ СОТОНА СОТОНЖ НЗГОПНТЪ. НА СЖ *РАЗДѢЛНАЪ СЖ ЕСТЬ* КАКО ОУБО СТАНЕТЪ ЦѢСТВЕНЕ ЕГО (Мф 12:26).

В этом памятнике представлены характеризационные употребления, как в (75), (76):

- (75) ОТВѢШТАША Н РѢША ЕМОУ. ВЪ ГРѢСѢХЪ ТЫ *РОДНАЪ СЖ ЕСИ* ВЕСЬ. І ТЫ АН ПЫ ОУЧНШН. І НЗГЪНАША Н ВЪНЪ (Ин 9:34).
- (76) РЕЧЕ ЖЕ АВРААМЪ ЧАДО ПОМѢНН ЪКО *ВЪСПРННАЪ ЕСИ* ТЫ БЛАГАА ТВОѢ ВЪ ЖНВОТѢ ТВОЕМЪ. І ЛАЗАРЬ ТАКОЖДЕ ЗЪЛАА. НЫНѢ ЖЕ СЪДЕ ОУТѢШААТЪ СЖ А ТЫ СТРАЖДЕШН (Лк 16:25).

Мариинское евангелие выделяется на фоне других памятников значительным числом экзистенциальных употреблений, семантически

¹⁵ В иллюстративный материал не включены те примеры употребления перфекта в Мариинском евангелии, которые представляют собой цитаты из текстов Ветхого Завета, как, например, из оустъ младънечъ н съжштнхъ съвршнлъ еси хвалж (Мф 21:16) — этот фрагмент соотносится с Пс 8:3.

примыкающих к характеристическим, см. не являющуюся исчерпывающей выборку примеров (77)–(85):

- (77) ПОДРѢЖААХЪ ЖЕ Н Н КЪНАШН ГЛѢЩЕ СЪ НМН. ИНЫ *ЕСТЬ СЪПСА* ДА СПСТЪ Н СА. АШТЕ СЪ ЕСТЬ ХЪ СПЪ БЖНН. ИЗБЪРАНЫ (Лк 23:35).
- (78) ІС ЖЕ РЕЧЕ НМЪ. ЕН. *НЪСТЕ ЛН УЛАН* НКОНЖЕ. ЪКО НЗ ОУСТЪ МЛАДЪНЕУЪ Н СЪСЖШТНХЪ СЪВРЪШНАЪ ЕСН ХВАЛЖ (Мф 21:16, тот же контекст — Мф 12:3, 5, 19:4, 21:42, 22:31, Мк 2:25, 12:10, 26, Лк 6:3).
- (79) НЕ ЪКО ОТЬЦА *ВНДѢЛЪ ЕСТЬ* ТЪКЪМО. ТЪКМО СЖН ОТЬ БА. СЪ ВНДѢ ОТЬЦА (Ин 6:46).
- (80) ОТВѢШТАША СЛОУГЫ. НКОНЖЕ ТАКО *ЕСТЬ ГЛЪ* ЪЛВКЪ. ЪКО СЪ ЪЛВКЪ (Ио 7:46).
- (81) МОЛНТЕ ЖЕ СА ДА НЕ БЖДЕТЪ БѢСТВО ВАШЕ ЗНМѢ НН ВЪ СОБОТЖ. БЖДЕТЪ БО ТОГДА СКРЪБЪ ВЕЛНѢ. ЪКАЖЕ *НЪСТЪ БЫЛА* ОТЬ НАУДАЛА ВЪСЕГО МНРА ДО СЕЛѢ. НН НМАТЪ БЫТН (Мф 24:20–21).
- (82) РѢША ЖЕ НЮДЕН КЪ НЕМОУ. ПАТН ДЕСАТЬ ЛѢТЪ НЕ ОУ НМАШН. І АВРАМА ЛН *ЕСН ВНДѢЛЪ* (Ин 8:57).
- (83) ТОГДА НАУЪНЕТЕ ГЛАТН. ЪСМЪ ПРѢДЪ ТОВОЖ Н ПНХОМЪ. І НА РАСПЖТННХЪ НАШНХЪ *ОУУНАЪ ЕСН* (Лк 13:26).
- (84) ОТВѢШТА НМЪ НСЪ Н РЕЧЕ. АМНПЪ АМНПЪ ГЛѢЖ ВАМЪ. ПШТЕТЕ МЕНЕ НЕ ЪКО ВНДѢСТЕ ЗНАМЕННЕ. НЪ ЪКО *ЪЛН ЕСТЕ* ХЛѢБЫ Н НАСЫТНСТЕ СА (Ин 6:26).
- (85) ОТВѢЩАША Н РѢША ЕМОУ ОТЬЦЪ НАШЪ АВРААМЪ ЕСТЬ. ГЛА НМЪ НС. АШТЕ УДА АВРААМЛЪ БЫСТЕ БЫЛН. ДѢЛА АВРААМЛЪ ТВОРНЛН БНСТЕ. ПЫНЪ ЖЕ НШТЕТЕ МЕНЕ ОУБНТН. ЪЛАКА НЖЕ НСТННЖ ВАМЪ ГЛХЪ. ІЖЖЕ СЛЫШАХЪ ОТЬ БА. СЕГО АВРААМЪ *НЪСТЪ СЪТВОРНЛЪ* (Ин 8:39–40).

6. Заключение

Таким образом, старославянский перфект можно охарактеризовать следующим образом:

- Ему не свойственно результативное употребление; точнее говоря, семантика результативности не является тем фактором, который обуславливает употребление старославянского перфекта: с одной стороны, в результативных контекстах употребляется прежде всего аорист; с другой стороны, употребления перфекта не исключают как результативные, так и нерезультативные контексты. Это означает, что результативность не является спецификой семантики старославянского перфекта (что оправдывало бы типологические ожидания в отношении этой формы) — в этом языке параметр результативности не является релевантным при описании условий выбора между конкурирующими формами прошедшего, т. е. перфектом и аористом.
- Он демонстрирует прежде всего характеристические и экзистенциальные употребления.

- Он часто используется для описания ситуаций, которые не имеют четкой временной локализации. Так, тяготение к перфектной форме демонстрируют предикаты, описывающее существенное изменение состояния топика данного фрагмента. С другой стороны, анализ перфектных и аористных употреблений предикатов, описывающий конкретные ситуации (естественно, в рамках диалогического регистра), также демонстрирует, что аористы употребляются собственно для описания ситуации, тогда как перфекты — для того, чтобы охарактеризовать топик данного дискурсивного фрагмента.

- Существенны также интерпретационные употребления перфекта, а именно, те многочисленные случаи, когда перфект используется не для описания некоторой ситуации, локализуемой во времени, а для описания ее скрытого смысла, последствий либо целей.

- Не следует забывать и о том, что есть контексты, в которых перфект обладает отчетливой эмфатической функцией (ср. обсуждение примера 32). Однако, поскольку велик риск произвольно приписать эмфатические характеристики тому или иному фрагменту текста, в статье мы сознательно обращали внимание только на те примеры, где эмфаза подтверждена какими-то другими языковыми средствами независимо от нашей интерпретации.

Можно также прибавить следующее: традиционно считается, что перфект тяготеет к диалогическому регистру (ср. уже в [Булнина 1959]). Однако анализ старославянского перфекта, возможно, предполагает, что реплики в рамках диалогического регистра целесообразно дополнительно дифференцировать в зависимости от коммуникативной цели фрагмента, а именно, в зависимости от того, ориентированы ли они на *описание* некоторой ситуации (или, иначе, утверждения о том, что некоторая ситуация имела место) или на ее *обсуждение*. Такие семантические характеристики перфекта, как оценка, интерпретация либо характеристика как раз и ориентированы на обсуждение ситуации.

Таким образом, в данной статье был очерчен семантический тип старославянского перфекта; как можно видеть, он достаточно далек от того результативного прототипа, который признается основой типологического портрета перфекта и который потому а priori принимается как отправная точка в большинстве исследований семантики этой старославянской формы. Вероятно, семантическим центром этой формы следует признать экзистенциальное значение (утверждение о существовании некоторой ситуации, являющееся утверждением о факте, а не описанием события), от которого естественно перекинуть мостик к характеристическим и интерпретационным употреблениям. В силу этой семантической специфики легко также объяснить тяготение перфекта

к временной нелокализованности, которая проявляется двойко — как в тяготении к перфектной форме предикатов с семантикой, не предполагающей точной временной локализации (типа ‘измениться’, ‘одуматься’, ‘раскаяться’), так и в размывании значения точной временной локализации у предикатов различной семантики, помещаемых в интерпретационный контекст, где не описывается конкретная ситуация, а обозначается ее скрытый смысл и ее основные существенные последствия.

Библиография

АРУТЮНОВА 1988

АРУТЮНОВА Н. Д., *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, Москва, 1988.

БУНИНА 1959

БУНИНА И. К., *Система времен старославянского глагола*, Москва, 1959.

——— 1970

БУНИНА И. К., *История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива*, Москва, 1970.

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ГАСПАРОВ 2003

ГАСПАРОВ Б., “Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах”, *Русский язык в научном освещении*, 5 (1), 2003, 215–242.

ГОРБОВА 2013

ГОРБОВА Е. В., “Проблемы испанского перфекта”, in: *Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сборник материалов конференции 9–12 апреля 2013 г.*, С.-Петербург, 2013, 58–63.

——— 2016

ГОРБОВА Е. В., “Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, имediatность: чем определяется значение перфекта?”, in: [МАЙСАК ET AL. 2016: 39–66].

ДЕЯНОВА 1970

ДЕЯНОВА М., *История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език*, София, 1970.

КОЗЛОВ 2016

КОЗЛОВ А. А., “Мокшанский результатив и диахрония результативной Конструкции”, *Вопросы языкознания*, 1, 2016, 51–75.

КУЗНЕЦОВ 1961

КУЗНЕЦОВ П. С., *Очерки по морфологии праславянского языка*, Москва, 1961.

МАЙСАК 2016

МАЙСАК Т. А., “Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка”, in: [МАЙСАК ET AL. 2016: 315–378].

МАЙСАК ET AL. 2016

МАЙСАК Т. А., ПЛУНГЯН В. А., СЕМЁНОВА КС. П., ред., *Исследования по теории грамматики, 7: Типология перфекта* (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, 12/2), С.-Петербург, 2016.

МАСЛОВ 1984

МАСЛОВ Ю. С., *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984.

ПЛУНГЯН 2011

ПЛУНГЯН В. А., *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва, 2011.

——— 2016

ПЛУНГЯН В. А., “К типологии перфекта в языках мира: предисловие”, in: [МАЙСАК ET AL. 2016: 7–36].

СЕВЕРЬЯНОВ 1904

СЕВЕРЬЯНОВ С. Н., *Супрасльская рукопись*, 1 (= Памятники старославянского языка, 2/1), С.-Петербург, 1904.

——— 1922

СЕВЕРЬЯНОВ С. Н., *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в.*, Петроград, 1922.

ШЕВЕЛЕВА 2009

ШЕВЕЛЕВА М. Н., “«Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке)”, *Русский язык в научном освещении*, 2 (18), 2009, 144–174.

AMSE-DE JONG 1974

AMSE-DE JONG T. H., *The Meaning of the Finite Verb Forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis. A Synchronic Study*, The Hague, 1974.

ВУБЕЕ ET AL. 1994

ВУБЕЕ J. L., PERKINS R., PAGLIUCA W., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

ДАХЛ 1985

ДАХЛ Ö., *Tense and Aspect Systems*, Oxford, 1985.

ДАХЛ, ХЕДИН 2000

ДАХЛ Ö., ХЕДИН E., “Current Relevance and Event Reference,” in: EIDEM, ed., *Tense and Aspect in the Languages of Europe*, Berlin, 2000, 385–402.

ДЕПРАЕТЕРЕ 1998

ДЕПРАЕТЕРЕ I., “On the Resultative Character of Present Perfect Sentences,” *Journal of Pragmatics*, 29/3, 1998, 597–613.

ДРИНКА 2017

ДРИНКА B., *Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History*, Cambridge, 2017.

ГЕЙТЛЕР 1882

ГЕЙТЛЕР L., *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda*, U Zagrebu, 1882.

ХАННИК 1972

ХАННИК CH., “Das Neue Testament in altkirchenslavischer Sprache,” in: K. ALAND, ed., *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare*, Berlin, 1972, 403–435.

ΙΑΤΡΙΔΟΥ ET AL. 2003

ΙΑΤΡΙΔΟΥ S., ΑΝΑΓΝΟΣΤΟΠΟΥΛΟΥ E., ΙΖΒΩΡΣΚΙ R., “Observations about the Forms and the Meaning of the Perfect,” in: A. ALEXIADOU, M. RATHERT, A. VON STECHOV, eds., *Perfect Explorations*, Berlin, 2003, 153–204.

КАМП, РЕЙЛЕ 1993

КАМП H., РЕЙЛЕ U., *From Discourse to Logic*, 1–2, Dordrecht, 1993.

КИПАРСКИ 2002

КИПАРСКИ P., “Event Structure and the Perfect,” in: D. I. BEAVER ET AL., eds, *The Construction of Meaning*, Stanford, 2002.

MACROBERT 2013

MACROBERT C. M., "The Competing Use of Perfect and Aorist Tenses in Old Church Slavonic," *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 82/4, 2013, 387–407.

MCCAWLEY 1971

MCCAWLEY J. D., "Tense and Time Reference in English," in: CH. FILLMORE, T. LANGENDOEN, eds., *Studies in Linguistic Semantics*, New York, 1971, 96–113.

MCCOARD 1978

MCCOARD R. W., *The English Perfect: Tense-choice and Pragmatic Inferences*. Amsterdam, 1978.

MICHAELIS 1998

MICHAELIS L. A., *Aspectual Grammar and Past-time Reference*, London, New York, 1998.

MITTWOCH 1988

MITTWOCH A., "Aspects of English Aspect: On the Interaction of Perfect, Progressive, and Durational Phrases," *Linguistics and Philosophy*, 11, 1988, 203–254.

NISHIYAMA, KOENIG 2004

NISHIYAMA A., KOENIG J.-P., "What Is a Perfect State?" in: B. SCHMEISTER, V. CHAND, A. KELLEHER, A. RODRIGUEZ, eds., *WCCFL 23 Proceedings*, Sommerville, 2004, 101–113.

NISHIYAMA, KOENIG 2010

NISHIYAMA A., KOENIG J.-P., "What Is a Perfect State?" *Language*, 86/3, 2010, 611–646.

PARSONS 1990

PARSONS T., *Events in the Semantics of English*, Cambridge, 1990.

PORTNER 2003

PORTNER P., "The (Temporal) Semantics and (Modal) Pragmatics of the Perfect," *Linguistics and Philosophy*, 26, 2003, 459–510.

RŮŽIČKA 1963

RŮŽIČKA R., *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*, Berlin, 1963.

SCHWENTER 1994

SCHWENTER S. A., "The Grammaticalization of an Anterior in Progress: Evidence from a Peninsular Dialect," *Studies in Language*, 18/1, 1994, 71–111.

TER MEULEN 1995

TER MEULEN A. G. B., *Representing Time in Natural Language: The Dynamic Interpretation of Tense and Aspect*, Cambridge, 1995.

TROST 1972

TROST K., *Perfekt und Konditional im Altkirchenslavischen*, Wiesbaden, 1972.

VEČERKA 1993

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur* (= Monumenta linguae slavicae, 34 (27,2)), Freiburg i. Br., 1993.

References

Amse-de Jong T. H., *The Meaning of the Finite Verb Forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis. A Synchronic Study*, The Hague, 1974.

Arutyunova N. D., *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt*, Moscow, 1988.

Bunina I. K., *Sistema vremen staroslavianskogo glagola*, Moscow, 1959.

Bunina I. K., *Istoriia glagol'nykh vremen v bolgarskom iazyke. Vremena indikativa*, Moscow, 1970.

Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.

Dahl Ö., *Tense and Aspect Systems*, Oxford, 1985.

- Dahl Ö., Hedin E., "Current Relevance and Event Reference," in: eidem, ed., *Tense and Aspect in the Languages of Europe*, Berlin, 2000, 385–402.
- Depraetere I., "On the Resultative Character of Present Perfect Sentences," *Journal of Pragmatics*, 29/3, 1998, 597–613.
- Deyanova M., *Istoriia na slozhnite minali vremena v búlgarski, súrbokhúrvatski i slovenski ezik*, Sofia, 1970.
- Drinka B., *Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History*, Cambridge, 2017.
- Gasparov B., "Nabliudeniia nad upotrebleniiem perfekta v drevnetserkovnoslavianskikh tekstakh," *Russian Language and Linguistic Theory (Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii)*, 5 (1), 2003, 215–242.
- Gorbova E. V., "Problemy ispanskogo perfekta," in: *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*, St. Petersburg, 2013, 58–63.
- Gorbova E. V., "Perfect of Result, Experiential Perfect, Perfect of Persistent Situation, Perfect of Recent Past: Hat Determines the Meaning of the Perfect?" in: *Acta Linguistica Petropolitana*, 12/2, St. Petersburg, 2016, 39–66.
- Hannick Ch., "Das Neue Testament in altkirchenslavischer Sprache," in: K. Aland, ed., *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare*, Berlin, 1972, 403–435.
- Iatridou S., Anagnostopoulou E., Izvorski R., "Observations about the Forms and the Meaning of the Perfect," in: A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechow, eds., *Perfect Explorations*, Berlin, 2003, 153–204.
- Kamp H., Reyle U., *From Discourse to Logic*, 1–2, Dordrecht, 1993.
- Kiparsky P., "Event Structure and the Perfect," in: D. I. Beaver et al., eds., *The Construction of Meaning*, Stanford, 2002.
- Kozlov A. A., "Moksha Mordvin Resultative and the Diachrony of Resultative Constructions," *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 2016, 51–75.
- Kuznetsov P. S., *Ocherki po morfologii praslavian-skojazyka*, Moscow, 1961.
- MacRobert C. M., "The Competing Use of Perfect and Aorist Tenses in Old Church Slavonic," *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 82/4, 2013, 387–407.
- Maisak T., "The Perfect and the Aorist in the Nizh Dialect of Udi," in: *Acta Linguistica Petropolitana*, 12/2, St. Petersburg, 2016, 315–378.
- Maslov Yu. S., *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984.
- McCawley J. D., "Tense and Time Reference in English," in: Ch. Fillmore, T. Langendoen, eds., *Studies in Linguistic Semantics*, New York, 1971, 96–113.
- McCoard R. W., *The English Perfect: Tense-choice and Pragmatic Inferences*. Amsterdam, 1978.
- Michaelis L. A., *Aspectual Grammar and Past-time Reference*, London, New York, 1998.
- Mittwoch A., "Aspects of English Aspect: On the Interaction of Perfect, Progressive, and Durational Phrases," *Linguistics and Philosophy*, 11, 1988, 203–254.
- Nishiyama A., Koenig J.-P., "What Is a Perfect State?" in: B. Schmeister, V. Chand, A. Kelleher, A. Rodriguez, eds., *WCCFL 23 Proceedings*, Somerville, 2004, 101–113.
- Nishiyama A., Koenig J.-P., "What Is a Perfect State?" *Language*, 86/3, 2010, 611–646.
- Parsons T., *Events in the Semantics of English*, Cambridge, 1990.
- Plungian V. A., *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira*, Moscow, 2011.
- Plungian V. A., "Towards the Typology of the Perfect in the World's Languages: Introduction," in: *Acta Linguistica Petropolitana*, 12/2, St. Petersburg, 2016, 7–36.
- Portner P., "The (Temporal) Semantics and (Modal) Pragmatics of the Perfect," *Linguistics and Philosophy*, 26, 2003, 459–510.
- Růžička R., *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*, Berlin, 1963.
- Schwenter S. A., "The Grammaticalization of an Anterior in Progress: Evidence from a Peninsular Dialect," *Studies in Language*, 18/1, 1994, 71–111.
- Severyanov S. N., *Sinaiskaia psaltyr'. Glagolicheskii pamiatnik XI v.*, Petrograd, 1922.
- Sheveleva M. N., "Soglasovanie vremen' v iazyke drevnerusskikh letopisei (k voprosu o formirovanii otnositel'nogo upotrebleniia vremen i kosvennoi rechi v russkom iazyke)," *Russian Language and Linguistic Theory (Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii)*, 2, 2009, 144–174.
- ter Meulen A. G. B., *Representing Time in Natural Language: The Dynamic Interpretation of Tense and Aspect*, Cambridge, 1995.
- Trost K., *Perfekt und Konditional im Altkirchenslavischen*, Wiesbaden, 1972.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.
- Večerka R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur (= Monumenta linguae slavicae, 34 (27,2))*, Freiburg i. Br., 1993.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 14-18-02624.

академик РАН **Владимир Александрович Плунгян**, профессор, доктор
филол. наук

Институт языкознания РАН, заведующий Отделом типологии и ареальной
лингвистики

125009 Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Россия/Russia

plungian@iling-ran.ru

Анна Юрьевна Урманчиева, канд. филол. наук

Институт лингвистических исследований РАН, старший научный сотрудник

Отдела теории грамматики

199004 С.-Петербург, Тучков переулок, д. 9

Россия/Russia

urmanna@yandex.ru

Received October 22, 2016